

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Маги

Вера Крыжановская-Рочестер

Смерть планеты

«Public Domain»

1911

Крыжановская-Рочестер В. И.

Смерть планеты / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1911 — (Маги)

Безнравственность, постоянное нарушение Законов мироздания, жестокость людей приводит к гибели планеты Земля, что является естественным финалом. Это закономерный акт космической эволюции, не терпящей зла и насилия. В каком-то смысле «Смерть планеты» можно рассматривать как роман-предупреждение.

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вера Ивановна Крыжановская

Смерть планеты

Часть первая

Глава первая

Под каменным массивом древней пирамиды посвящения таится неведомый и навеки недостижимый для обыкновенных смертных подземный мир. Там продолжает жить остаток древнего Египта, там спрятаны сокровища его колоссальной науки, по-прежнему облеченные тайной и скрытые от любопытных глаз, как было и в те времена, когда народ страны Кеми еще преклонялся перед своими иерофантами, а фараон победоносно ходил на соседей войной. Иерофанты и фараоны упокоились постепенно в своих подземных гробницах; всеразрушающее время свергало и переделывало древнюю цивилизацию; другие народы, иные верования процветали в Египте, и никто никогда не подозревал, что целая плеяда загадочных людей, – уже переживших многие сотни лет с тех пор, когда еще только начинали возникать чудесные сооружения, развалины коих возбуждают столько изумления, – продолжают жить в сказочном убежище, благоговейно сохраняя костюмы, обычаи и внешние обряды веры, в которой родились.

Вдоль длинного подземного канала, который тянется от Гизехского сфинкса до пирамиды, бесшумно скользила лодка с золоченым носом, украшенным цветком лотоса. Темнолицый египтянин, точно сошедший с какой-нибудь древней фрески, медленно греб, а двое мужчин в облачении рыцарей Грааля стояли в лодке и задумчиво разглядывали расположенные по обе стороны канала открытые залы, где видны были склонившиеся над рабочими столами неизвестные ученые.

У подножия лестницы всего в несколько ступеней лодка причалила, и прибывших встретил почтенный старец в длинной белой полотняной тунике и клафте; золотой нагрудный знак и три ослепительных луча над челом указывали на высокую степень мага.

– Супрамати! Дахир! Милые братья мои, добро пожаловать в наш приют. После земных испытаний обновите свои силы в новой работе, подкрепите себя новыми открытиями в бесконечной области абсолютного знания.

– Дайте мне по-братски обнять вас, – прибавил он дружески, – и представить кое-кому из новых друзей.

Подошли несколько иерофантов и облобызали вновь прибывших. Потом, после дружеской беседы, старый маг сказал:

– Подите, братья, очиститесь и отдохните; вам покажут отведенное вам помещение. А когда на земле первый луч Ра озарит небосклон, мы будем ждать вас в храме для богослужения, которое совершается, как вам обоим известно, по обрядам отцов наших.

По знаку иерофанта подошли два молодых адепта, скромно державшиеся до того времени в стороне, и повели новых гостей.

Они прошли сперва длинный и узкий коридор, а затем спустились по крутой и узкой лестнице, упиравшейся в дверь, украшенную головой сфинкса с голубоватыми лампами вместо глаз.

Дверь эта вела в круглую залу с научными и магическими аппаратами и инструментами; вообще в ней было все, что должно находиться в лаборатории посвященного мага.

В этой зале были три двери, и одна вела в небольшую комнату с хрустальной ванной, наполненной голубоватой водой, которая текла из стены.

На табуретах лежали полотняные одежды и полосатые клареты. Две другие двери вели в совершенно одинаковые комнаты, с постелями и резной мебелью с шелковыми подушками; обстановка комнат по своему странному и неизвестному стилю относилась, очевидно, к баснословной древности.

У окна, задернутого занавесой из тяжелой голубой материи с разводами и золотой бахромой, стоял круглый стол и два стула. Большой резной сундук у стены назначался, по-видимому, для хранения платья, а на полках по стенам горами лежали свитки древних папирусов.

Прежде всего Дахир и Супрамати выкупались, а затем с помощью молодых адептов переоделись в новые полотняные туники с украшенными магическими камнями поясами, надев присвоенные их сану клафты и золотые нагрудные знаки. Теперь, в древнем одеянии, они казались современниками тому странному помещению, где очутились.

– Приди за мною, брат, когда будет нужно, – сказал Супрамати адепту, садясь в кресло около окна.

Дахир ушел к себе, так как оба чувствовали непреодолимую потребность в одиночестве. Души их угнетала еще тяжесть последнего времени их жизни в миру и тоска о том, что они хотя и победили, но что, однако, непреодолимо влекло их к себе: ребенок и жена.

Тяжело вздохнув, Супрамати облокотился на стол, а молодой адепт откинул перед уходом скрывавшую окно занавесу.

Супрамати вскочил, пораженный удивительным и строгой красоты зрелищем: никогда еще не видел он ничего подобного.

Перед ним расстилалась гладкая, как зеркало, поверхность озера; неподвижные, уснувшие и синие, как сапфир, воды были хрустально прозрачны; а вдали виднелся белый портик небольшого храма, окруженного деревьями с темной и потому казавшейся черной листвой, не колеблемой притом ни малейшим дуновением ветра.

Перед входом в храм на каменном жертвеннике горел большой огонь, далеко разливавший свет, похожий на лунный, и облекавший спавшую неподвижную природу серебристой дымкой, чудесно смягчавшей все резкости контура.

Но где же небо в этой изумительной картине природы? Супрамати поднял глаза и увидел, что где-то далеко вверху, теряясь в сероватой мгле, раскинулся фиолетовый купол. Восхищение Супрамати прервал Дахир, который увидел ту же картину из своего окна и пришел поделиться открытием со своим другом, не зная еще, что тот уже наслаждается тем же очаровательным видом.

– Какая поистине великая отрада для души – этот покой и безмолвие уснувшей, точно неподвижной природы! Сколько новых и не предполагавшихся даже тайн предстоит нам изучить, – заметил Дахир, садясь.

Супрамати не успел ответить, изумленный новым явлением, и оба ахнули от восхищения. Со свода сверкнул широкий луч золотистого блестящего света, ярко озаривший все вокруг... Солнечный луч без солнца? Откуда исходил, как проникал сюда этот золотистый свет, нельзя было догадаться.

В ту же минуту донеслось отдаленное могучее и стройное пение.

– Это не пение сфер, а человеческие голоса, – заметил Дахир. – Смотри, вон и наши проводники – они плывут за нами в лодке. А ты не заметил, что из твоей комнаты есть выход на озеро? – прибавил он, вставая и идя с другом к выходу.

Стрелой понеслась затем легкая ладья по озеру и причалила к ступеням храма, представлявшего египетский храм в миниатюре.

Там собралась таинственная община: мужчины в древнем одеянии – строгие и сосредоточенные, и женщины в белом, с золотыми обручами на голове, пели под аккомпанемент арф.

Странные могучие мелодии раздавались под сводами, и воздух был насыщен нежным благоуханием.

Это произвело неопишное впечатление на Супрамати и его друга.

Здесь время отодвинулось тоже на тысячи лет; это было живое видение прошлого, в котором им дано было участвовать благодаря странному случаю их невероятного существования.

Когда умолк последний звук жертвенного гимна, присутствовавшие выстроились по два в ряд и со старейшиной во главе направились сводчатой галереей в залу, где был приготовлен ранний завтрак.

Он был скромный, но достаточно питательный для посвященных, и состоял из темных и легко таявших во рту хлебцев, зелени, меда, вина и белого густого и игристого питья, которое не было сливками, но походило на них.

Дахир и Супрамати проголодались и оказали честь еде.

Увидев, что Верховный иерофант, подле которого они оба сидели, смотрит на них, Дахир заметил несколько смущенно:

– Не правда ли, учитель, стыдно магам иметь такой аппетит? Старец усмехнулся.

– Кушайте, кушайте, дети мои! Тела ваши истощены соприкосновением с толпой, сосавшей вашу жизненную силу. Здесь, в тиши нашего уединения, все это пройдет. Пища наша, добытая из атмосферы, – чиста и укрепляющая; составные вещества приспособлены к нашему образу жизни, а есть не грешно, потому что тело, даже бессмертного, нуждается в питании.

После завтрака Верховный иерофант познакомил гостей со всеми членами общины.

– Прежде всего отдохните, друзья мои, – заметил он на прощание. – Недели с две вы посвятите осмотру нашего убежища, богатого многими историческими и научными сокровищами; кроме того, среди нас вы найдете много очень интересных людей, с которыми вам приятно будет побеседовать. А затем мы совместно обдумаем план ваших занятий; они будут касаться других предметов, не тех, что у Эбрамара, но с которыми, однако, вам также необходимо ознакомиться.

Поблагодарив Верховного иерофанта, Супрамати и Дахир отошли к своим новым знакомым, и между ними завязалась оживленная беседа. Вскоре члены общины разошлись по своим делам до второго завтрака.

Остался только один из магов, который предложил гостям показать место их пребывания и работы и познакомить с некоторыми коллекциями древностей, у них хранящихся. Обход и осмотр этот представлял большой интерес для Супрамати и Дахира, а рассказ спутника о происхождении пирамиды, Сфинкса и храма, погребенного под землей еще во времена первых династий, открыл им далекие горизонты происхождения человечества.

Когда же какой-нибудь драгоценный предмет в 20—30 тысяч лет или покрытый письменами металлический листик иллюстрировали рассказ, то ими невольно овладевал благоговейный трепет восхищения, несмотря на то, что они давно были уже избалованы познаниями древности.

После ужина Супрамати и Дахир разошлись по своим комнатам, чувствуя потребность в одиночестве. Душа их еще страдала от разрыва телесных уз, в течение нескольких лет приковывавших их к жизни смертного человечества.

Грустный и задумчивый сидел Дахир, склонив голову на руки. Он чувствовал доносившуюся до него мысль Эдиты, и его грызла тоска. Он сам не сознавал до сей поры, насколько привязался к этим двум существам, мелькнувшим в его долгой и странной трудовой одинокой жизни, подобно теплым лучам живительного солнца.

Связь эта оказалась слишком прочной и не могла быть произвольно порвана; она задела струны сердца, которые теперь звучали по обоим направлениям подобно электрическому проводу.

Поэтому обмен мыслей и чувств не прекращался. Как бьют в берега пенные волны, так и взаимные мысли стучали в обе стороны.

Дахир чувствовал страдания Эдиты; а та, несмотря на желание, не могла побороть властное чувство, наполнявшее все ее существо, и заглушить жгучую боль разлуки с любимым человеком.

Эбрамар, так хорошо изучивший сердце человеческое, – даже сердце мага, – прощаясь с Дахиром, сказал, что пока время и занятия не успокоят, наконец, болезненную тоску души, тот может видеть Эдиту с ребенком в магическом зеркале и говорить с женой. Теперь ему вспомнились эти слова, и он поспешно прошел в лабораторию.

Подойдя к большому магическому зеркалу, Дахир произнес формулы и начертал каббалистические знаки. Произошло обычное явление: поверхность инструмента пришла в волнение и покрылась искрами; а потом облака рассеялись и, точно сквозь большое окно, перед ним открылась внутренность одной из зал гималайского дворца, где жили сестры общины.

Это была обширная, роскошно меблированная комната; в глубине, около постели с кисейными занавесками, видны были две колыбели, отделанные шелком и кружевами. Перед нишей, в глубине которой была осененная крестом золотая чаша рыцарей Грааля, стояла на коленях Эдита. На ней была длинная белая туника – одежда сестер, а чудные распущенные волосы окутывали ее точно шелковой мантией.

Прелестное личико Эдиты побледнело и залито было слезами, а перед ее духовным взором парил образ Дахира. Но она, видимо, боролась с этой слабостью, ища в молитве поддержку, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся с отъездом любимого человека.

Любовь наполняла все ее существо; но чувство это было чисто, как и сама душа Эдиты: в нем не было и тени чувственности, и она желала бы только видеть, хоть изредка, обожаемого человека, слышать в тиши ночной его голос и знать, что он думает о ней с ребенком.

Глубокий порыв нежности и сочувствия охватил Дахира.

– Эдита! – прошептал он.

Как ни слаб был этот звук, духовный слух молодой женщины уловил его; она встрепенулась и встала, почувствовав присутствие дорогого существа.

Она тотчас увидела просвет, образовавшийся известным ей магическим зеркалом, и в нем – Дахира, улыбавшегося ей и приветствовавшего рукою.

С радостным криком подбежала Эдита и протянула к нему руки, но вдруг покраснела и остановилась в смущении.

– Мои мысли привлекли тебя, Дахир, и, может быть, нарушили твои серьезные занятия. О прости, дорогой, мою неизлечимую слабость! Днем я работаю и еще кое-как твердо борюсь с грызущей меня тоской; мне не хватает тебя, как воздуха, которым я дышу; мне кажется, точно с тобой осталась часть моего существа, и я страдаю от этой открытой раны.

Все здесь добры ко мне; я изучаю новую науку, открывающую мне чудеса! Но ничто меня не радует. Прости меня, слабую и тебя недостойную.

– Мне нечего прощать тебя, моя славная, кроткая Эдита. Как и ты, я страдаю от нашей разлуки; но надо же подчиниться непреложному закону нашей странной судьбы, вынуждающей нас идти все вперед и вперед... Со временем острота этой тоски пройдет, и ты будешь думать обо мне со спокойным чувством, ожидая нашего окончательного соединения. А сегодня я явился порадовать тебя известием. Эбрамар разрешил мне видеть тебя раз в день; в такие тихие часы я и буду посещать тебя с ребенком. Мы будем беседовать, я буду руководить тобой, учить и успокаивать; а ты, зная, что я около тебя, будешь меньше страдать от разлуки.

Пока он говорил, обаятельное личико Эдиты совсем точно преобразилось, похуевшие щечки подернулись румянцем, большие глаза блистали счастьем, а голос звенел радостно.

– О! Доброта Эбрамара – безгранична! Как благодарить мне его за такую милость, которая возвращает мне бодрость и счастье. Теперь я всегда буду жить от одного свидания до другого, и час этот будет наградой за дневную работу.

Ведь ты объяснишь мне то, что трудно будет понять, и своими излучениями успокоишь мое мятежное сердце?...

Вдруг она смолкла, подбежала к одной из колыбелей и, взяв из нее девочку, показала ее Дахиру:

– Взгляни, как она хорошеет и как похожа на тебя: твои глаза, твоя улыбка. О! что было бы со мной без этого сокровища! – прибавила она, сияя счастьем и страстно прижимая ребенка к своей груди.

Малютка проснулась, но не заплакала, а улыбнулась: она узнала отца и протянула к нему ручонки.

Дахир послал ей воздушный поцелуй.

– Эта девчурка оказывается волшебницей, – сказал Дахир, улыбаясь. – Ты находишь, что она на меня похожа, а мне кажется, что она – твой вылитый портрет.

Когда Эдита уложила затем уснувшего ребенка, Дахир спросил:

– Как поживает Айравана? Я думаю, завтра Супрамати также захочет проведать сына.

– И хорошо сделает, потому что ребенок очень грустит и оживает только иногда по временам, когда видит мать; он даже называет ее по имени и протягивает ручки. Бедный маленький маг!

Побеседовав около часа, Дахир заметил:

– Пора тебе лечь и уснуть, милая Эдита. Теперь, когда ты повидала меня, и знаешь, что очень скоро мы свидимся вновь, твое волнение, надеюсь, успокоится, и сон подкрепит тебя.

– Ах! Как быстро пролетело время с тобой, – вздохнула Эдита. – Я иду спать, – прибавила она, покорно направляясь к постели, – только не уходи, пока я не усну.

Дахир от души рассмеялся и остался у своего чудесного окна; когда же она улеглась, он поднял руку, и из его пальцев полился голубоватый свет, окутавший Эдиту точно лучистым покровом.

Когда свет погас и дымка рассеялась, молодая женщина уже крепко спала здоровым сном.

Пока описанное происходило в комнате Дахира, Супрамати, лежа в постели, раздумался о прошлом. Давно так не тяготила его душу роковая судьба, допускавшая его полюбить что-либо, словно для того только, чтобы затем вскоре отнять.

Он встал, сел к столу и начал приводить в порядок, чтобы разобрать потом, древние листы древесной коры, которые дал ему утром их спутник как чрезвычайно интересные документы. По своей привычке, он работой хотел разогнать тяжелые думы.

И только что он занялся чтением первых строк, как вдруг вздрогнул и выпрямился; его тонкий слух уловил легкий шум вроде шелеста бьющихся обо что-то крыльев, затем в воздухе пронесся звук дрожащий, болезненный и жалобный, точно затаенное рыдание.

– Ольга?! Она ищет меня! – прошептал Супрамати, вскакивая. – Бедная! Печаль ослепляет ее, а несовершенство встает стеной между нами!

Он взял свой магический жезл, повертел им с минуту в воздухе, а потом начертил на полу круг, обозначившийся огненной линией; затем он сделал жест, словно рассекал жезлом атмосферу, и над кругом образовался просвет, а прозрачное и голубоватое видимое через него пространство окружено было словно студенистым газом, который дрожал и потрескивал.

Теперь посреди круга витала иссиня-сероватая человеческая тень, которая быстро уплотнялась и принимала определенные формы и окраску.

Это была Ольга. На ее чудном лице словно застыло выражение тоски и горя, а глаза, с выражением боязливой, но светлого счастья глядели на того, кто был ее земным богом. Исходившие от Супрамати обильные истечения тепла и света поглощались прозрачным телом виде-

ния, придавая ему жизненный вид и яркую красоту; сверкавшее над челом пламя освещало черты лица и пышную золотистую массу волос. Наконец видение приняло облик живой женщины, и Ольга умоляюще протянула сложенные руки к Супрамати, с любовью и укором смотревшему на нее.

– Ольга, Ольга! Где твои обещания быть мужественной и сильной, работать и совершенствоваться земными испытаниями? Ты тоскливо бродишь в пространстве, словно страждущий дух, наполняя воздух своими стенаниями. Ты – супруга мага! Не забывай, бедная моя Ольга, что тебе предстоит много работать, обогатить свой ум, развивать все силы и способности души, дабы я получил право увезти тебя в новый мир, куда меня влечет моя судьба.

В голосе его звучала мягкая строгость, и лицо Ольги приняло пугливо-стыдливое выражение ребенка, чувствующего себя виноватым.

– Прости мою слабость, Супрамати; но, право, так тяжело быть вдали от тебя и сознавать препятствие, мешающее к тебе приблизиться.

– По мере твоего совершенствования и препятствие это будет таять, а потом совершенно исчезнет. Но я уже говорил, что тебе надо очищаться и работать в пространстве! В земной атмосфере, переполненной страданиями и преступлениями, найдется много работы для благонамеренного духа.

– О! Я полна благих намерений! Пошли меня на землю в новом теле на какое бы то ни было тяжелое испытание, и я покорно перенесу все страдания, всякую борьбу и лишения, потому что хочу сделаться достойной следовать за тобою; да, наконец я забуду, по крайней мере на время, то безграничное счастье, которым наслаждалась.

Губы ее дрожали, слезы душили. Супрамати наклонился к видению и нежно сказал:

– Не огорчайся же, милая моя! Я вовсе не думаю бранить тебя за безграничную любовь, потому что она крайне дорога мне, и я тебя люблю; но не должно допускать чувству овладевать собой. Будь уверена, я никогда не потеряю тебя из виду и буду наблюдать за тобой во время твоих земных испытаний; но ты должна использовать и усовершенствовать свои нравственные и умственные силы, а они у тебя велики. Ведь ты – моя ученица. Данные мною тебе знания и силу употреби на помощь людям; сыщи среди них таких, которых ты можешь направить на добро, постарайся доказать им бессмертие души и ответственность за деяния, изучай флюидические законы, которые дадут тебе возможность охранять и помогать смертным братьям твоим и охранять их.

Супрамати открыл после этого ящик, достал из него кусок фосфоресцирующего точно теста, скатал шарик и подал духу.

– Теперь всмотришься в меня хорошенько. Я – здесь, ты не утратила меня, и души наши находятся в общении, а с помощью этого шарика ты будешь иметь возможность приходить ко мне; но только после того, как достойно употребишь время на работу и учение, а не на неразумные стоны.

Наивно и весело схватила Ольга шарик. Теперь она подняла на Супрамати свои большие лучистые глаза и робко прошептала, смущенно улыбаясь:

– Я исполню все сказанное тобой, буду искать медиума, чтобы работать, а не жаловаться, только поцелуй меня; тогда я буду уверена, что ты не сердишься за то, что супруга мага, как нищая, бродит вокруг потерянного рая.

Супрамати не мог удержаться от смеха и, привлекая ее к себе, поцеловал в губы и белокурую головку.

– А теперь, неисправимая капризница, ступай и выполни свои обещания. Благословляю тебя; а если тебе понадобится моя помощь, мысленно призови меня, и ответ мой дойдет до тебя в виде теплого, живительного тока.

Он сделал несколько пассивов, и дух быстро развоплотился, стал снова прозрачным и, подобно клубу пара, исчез в пространстве.

Супрамати сел, но, оттолкнув листы, облокотился на стол и задумался. Опустившаяся на плечо рука вывела его из задумчивости, и, подняв голову, он встретил дружеский взгляд Дахира.

– Ольга приходила. Бедная! Разлука с тобой слишком тяжела для нее; но я думаю, что сильная любовь поддержит ее в испытаниях и возвысит до тебя.

Затем он рассказал о свидании с Эдитой и прибавил:

– Приходи завтра, когда я буду разговаривать с Эдитой. Айравана очень тоскует, говорит она; он обрадуется, увидав тебя. Бедный малютка, внезапно лишенный отца и матери!

И оба вздохнули. Кто знает, не проснулись ли в глубине души магов чувства, волнующие и простых смертных?...

Глава вторая

Данное для отдыха время они употребили на подробный осмотр необычайного места своего пребывания и ознакомление с поразительными, собранными здесь коллекциями. Ночью, когда в комнате Дахира открывалось таинственное окно в помещение Эдиты, Супрамати также приходил подчас беседовать с молодой женщиной и взглянуть на сына, а радость ребенка, нетерпеливо протягивавшего к нему руки, и огорчение, что не может достать отца, пробуждали в сердце Супрамати счастье и горечь.

Между новыми знакомцами двое особенно прижились им по душе. Первый – маг с одним лучом; красивый молодой человек во цвете лет с задумчивым лицом; звали его Клеофас.

Во время осмотра древних коллекций, среди которых находились образцы памятников как знаменитых, так и неизвестных, но выдающихся по архитектуре и орнаментовке, Супрамати обратил внимание на чудесной работы модель храма в греческом стиле.

– Это храм Сераписа в Александрии, а модель моей работы, – объяснил Клеофас с тяжелым вздохом. – Я был жрецом Сераписа, – прибавил он, – и свидетелем дикого разгрома этого дивного произведения художественной архитектуры, освященного молитвами тысяч людей.

Дахир и Супрамати ограничились тем, что сочувственно пожали ему руку, а вечером, когда все трое собрались в комнате Клеофаса на беседу, Супрамати спросил, не тяжело ли ему будет рассказать о своем прошлом.

– Напротив, – ответил тот с улыбкой, – напротив, мне приятно вновь пережить с друзьями отдаленное прошлое, уже утратившее острую боль.

Подумав с минуту, он начал:

– Время моего рождения было эпохой упадка нашей древней религии; новая вера Великого Пророка из Назарета покоряла мир. Но вечная истина света и любви, заповеданная Богочеловеком, была уже искажена и окрасилась диким, кровожадным изуверством, которое, конечно, строго осудил бы Сын Божий, проникнутый кротостью и милосердием.

Но в то смутное время борьбы я этого не понимал: я был таким же страстным поклонником Сераписа, как прочие – Христа, и ненавидел христиан столь же страстно, как и они нас.

Да, друзья мои, история Озириса, убитого Тифоном, разбросавшим затем по лицу земли окровавленные останки бога света, – стара, как мир, и пребудет живой до конца дней. Разве люди не оспаривают друг у друга Неисповедимого Творца вселенной и единую исходящую от Него истину, наивно воображая, что могут замкнуть Его исключительно в свое исповедание и в ущерб всем остальным? Их братоубийственная ненависть и религиозные войны, разве это – не разбрасывание кровавых останков Божества? Но перехожу к рассказу о себе.

В качестве сына Первосвященника я рос при храме и с ранней юности служил Богу. Тяжелое это было время. Мы, "языческие жрецы", как называли нас, были уже презираемы, ненавидимы и гонимы; меня приводила в отчаянное бешенство мысль, что истребление, которому подвергались наши святилища, коснется когда-нибудь и храма Сераписа. И этот страшный день настал...

Клеофас с минуту молчал, а потом указал рукой на стоявшую у постели колонку и на ней статуэтку слоновой кости.

– Вот, друзья мои, статуя Бога в миниатюре; она даст вам приблизительное понятие об идеальной красоте и действительно божественном выражении, которое гениальный художник сумел придать этому лицу. Вы поймете, конечно, что должен был почувствовать я, видя, как кощунственная рука фанатика подняла топор, чтобы расколоть это несравненное произведение искусства, точно какой-нибудь чурбан.

Многие из наших жрецов были в тот день убиты, а меня – чудом спас случай, или судьба. Тяжело раненного, друзья перенесли меня к другу моего отца – ученому, жившему уединенно на окраине города.

Там я пришел в себя и выздоровел, а с жизнью явилось ужасное сознание случившегося: храм Сераписа, скрытый до основания, более не существовал. Не берусь описать вам охватившее мою душу отчаяние.

Сначала я только строил планы мщения; а потом, поняв неосуществимость их, впал в мрачный маразм и решил покончить с собою. Однажды вечером я пошел к своему покровителю и умолял дать мне яд.

– Служить моему Богу я не могу, а видеть, как поносят и унижают все, что я обожаю, – выше моих сил; я хочу умереть.

Старец молча выслушал меня, потом достал из шкафа чашу и налил в нее несколько капель чего-то похожего на жидкий огонь. Протянув мне затем чашу, он сказал с загадочной улыбкой:

– Пей и умри для всего того, что уже уничтожено; возродись, чтобы почитать и служить Божеству, в которое ты веруешь и которому поклоняешься...

Я выпил и упал как подкошенный... Пришел в себя я уже здесь, живым, полным сил, окруженный миром, тишиной и новыми друзьями, при полной возможности изучать и разрешать великие и страшные окружающие нас проблемы. Так я и живу многие века, поглощенный работой, и забывая даже, что где-то там существует еще другой мир, в котором родится и умирает мимолетное человечество...

Другой адепт, с которым тесно сблизился Дахир и Супрамати, был тоже человеком в цвете сил, с медно-красным лицом, большими темными, как бездна, глазами неведомого типа.

Его звали Тлават, история его жизни произвела глубокое впечатление на слушателей... С чуть ли не суеверным чувством смотрели они на это легендарное почти существо – живого представителя великой красной расы атлантов, нога которого ступала на землю последнего остатка громадного континента, память о коем сохранилась под именем острова Посейдона.

Было условленно сходитья вечером после дневных трудов поочередно в комнате одного из друзей на беседу.

Разговор с Тлаватом был крайне интересен; в устах живого свидетеля этого баснословного прошлого история исчезнувшего континента получала особую жизненность.

И темные глаза атланта загорались страстным блеском, когда он описывал ужасные катастрофы, расколовшие его континент; катастрофы, которые он лично не видал, но воспоминание о них было живо и ясно в памяти его современников.

С оттенком особой, возбужденной воспоминаниями национальной гордости описывал Тлават златовратный город – столицу громадного государства его народа, уже исчезнувшую в его время, но от которой остались планы, виды и подробные описания в святилище, где был посвящен Тлават, и со служителями коего он эмигрировал в Египет до предвиденного адептами геологического переворота, затопившего остров Посейдона.

Понятно, разумеется, что самый захватывающий интерес возбуждала история первобытного Египта, пирамиды, где они жили, Сфинкса и погребенного под песками храма. Памятникам этим, сооруженным посвященными, переселившимися из Атлантиды, Тлават насчитывал не менее двадцати тысяч лет. Те же переселенцы вырыли и подземный мир, в котором они теперь жили, сосредоточив в нем посвящение, и тут же сложили могущественные талисманы, предохранявшие от космических катаклизмов.

Время, данное двум вновь прибывшим для отдохновения, пролетело быстро, и однажды утром, после молитвы в храме, рыцари Грааля были приглашены к Верховному иерофанту.

Почтенный старец принял их, сидя за столом, заваленным свитками папируса, и, пригласив сесть, дружески сказал:

– Я призвал вас, дети мои, чтобы составить совместно план ваших занятий. Вы многому уже научились, но... на пути, по которому мы идем, область остающегося нам знания почти бесконечна. Предлагаю вам посвятить настоящие занятия изучению незнакомого вам пространства нашей солнечной системы. Вместе с тем необходимо изучить планетную цепь, а равно физическое, как и психическое, влияние на нашу землю окружающих ее планет, видимых и невидимых; в то же время вы познаете особенности управляющих нашей системой космических законов.

Эта «география» доступного нам пространства представляет живой интерес и откроет вам неожиданные горизонты, новую область бесконечной и неизмеримой мудрости Верховного Существа.

Дахир и Супрамати заявили, что во всем подчинятся решениям своего руководителя и, получив первые указания с необходимым материалом, принялись в тот же день за работу со свойственным им жаром.

Для простого смертного время является бременем сожалений и недочетов в прошлом, тяжких забот в настоящем, тоски и неуверенности в будущем. Мир и тишина, столь ценимые ученым, кажутся скучными для существа несовершенного, пустоголового, для которого время – жестокий тиран, если оно не заполнено пошлыми развлечениями, интригами и неудовлетворенными страстями.

И этот вихрь взаимной вражды, мелочной зависти, диких желаний обуревают микрокосм, называемый человеческим организмом, не менее разрушительным образом, чем землетрясения, потрясающие физический мир.

В текущем по нашим жилам пурпурном океане крови несутся тысячи маленьких миров, на которых отражаются бури сердца человеческого, передавая им наши инстинкты, страсти и желания. Если бы просветленный глаз человека мог видеть опустошения, производимые каждой нравственной бурей его души, каждым приступом гнева!...

Там, в этой бунтующей крови, совершаются катастрофы, подобные космическим; миллионы клеточек и шариков гибнут, затопленные, сожженные, и в ауру отбрасываются остатки заразы этих погибших микроскопических организмов; а между тем истощенный внутренним потрясением человек ощущает тяжесть, слабость и отчаяние.

Для человека же очищенного, работающего духом, восход и заход солнца указывает лишь, что начинается и кончается рабочий день.

Душевный мир, безмолвие, молитвенный восторг создают полный блаженства покой, дающий человеку физическое и нравственное здоровье; ничто не смущает управляемый им внутренний мир, и раздражительные веяния окружающего людского муравейника не производят на него никакого действия.

В удивительно гармоничной атмосфере пирамиды Супрамати и Дахир быстро вновь обрели нарушенную жизнью в миру душевное равновесие и с привычным усердием принялись за тяжелый труд.

Руководителем их в новых работах был иерофант Сиддарта – молодой человек с виду, но возраст которого терялся в туманной глубине веков; со свойственными высшему существу искусством и терпением тот сумел мало-помалу передать свое колоссальное знание своим двум младшим братьям, радуясь озарявшему их свету, а на выражение благодарности неизменно отвечал:

– Вы ничем не обязаны в отношении меня: я даю вам лишь то, что сам получил в свой черед, и что вы также дадите другим братьям, которые, как и мы все, поднимаются по лестнице совершенного знания; мои же познания, братья, столь великие по-вашему, – ничто в сравнении с тем, что нам еще осталось изучить.

Несмотря, однако, на их усердие, энергию, упование на будущее и поддержку Отца Небесного, Супрамати с Дахиром охватывало минутами если не отчаяние, то слабость.

Случалось это, когда какая-нибудь новая истина, подобно ослепительной молнии, открывала неведомые, подавляющего величия горизонты, арканы вселенной, о существовании коих те и не подозревали.

Со смутной тоской в душе спрашивали себя маги, существует ли цель, предел этому знанию, не имевшему границ, как и сама бесконечность? Достигнут ли они того, чтобы все знать, все постичь и вместить в своем жалком мозгу такое исполинское знание.

Раз Сиддарта подметил минуту подобной слабости, а когда на его вопрос Дахир и Супрамати выразили свои сомнения и опасения, ученый неодобрительно покачал головой.

– Удивляюсь, братья мои, как вы – маги о двух лучах – не поняли до сих пор, что в несокрушимой психической искре, созданной Верховным существом, таятся зародыши Его знания и Его могущества, а дело заключается лишь в том, чтобы развить и обработать эти данные.

На каждой высшей ступени приобретенного знания в мозгу образуется новый центр огня – очаг познания и могущества. И этот самый мозг, который на низших ступенях лестницы развития представлял просто массу инертной материи, с немногими, едва пронизывающими его электрическими нитями, становится понемногу особым миром, страшной по своей силе динамической лабораторией, способной управлять стихиями и создавать миры. Обладать такой мощью и пребывать вместе с тем покорным, благоговейно отдавая на служение Божественной воле это приобретенное знание, – такова наивысшая задача магов, единственное дозволенное им честолюбие.

Как-то раз Сиддарта, закончив объяснение по громадному и трудному вопросу об образовании миров, заметил, улыбаясь:

– Я думаю, вам будет приятно, дети мои, оживлять музыкой вашу сухую, несмотря на ее высокий интерес, работу? Искусство – это ветвь магии, и если вам приходилось пренебрегать им до сих пор, ввиду других сложных занятий, то настало время исследовать и эту великую силу, ибо в ней звучит божественная мысль...

– Ты угадал наши желания, учитель, – с живостью ответил Супрамати. – Мы оба, Дахир и я, обожаем музыку как дар небес, восторгающий, возвышающий и утешающий человека. Но, правда, мы не изучали ее как науку магическую.

– Посвятите и ей часть времени. Для магов вашей степени необходимо знать химический состав звука и вибрации, а также размеры этой силы. Обыкновенные люди, с неразвитыми чувствами, хотя и испытывают чары музыки, но не имеют никакого представления о многообразии производимых ею явлений. В арсенале мага музыка – еще одно оружие.

– Как общее правило, я знаю лишь, что гармоничные вибрации успокаивают, собирают, оживляют, тогда как неблагозвучные действуют разлагающе: вызывают бури, землетрясения и т. д. Затем известно, что музыкальные вибрации могут утихомирить или возбудить человеческие страсти и даже влиять на животных. Вот и все, что мы знаем в этой области, – заметил Дахир.

– Конечно. Но вам надо научиться вполне сознательно управлять этим всемогущим двигателем, уметь соразмерять ритм, композицию и градацию силы вибрационной гармонии сообразно тому, хотите ли вы обуздать астральный ток и сдерживать хаотические стихии, или наоборот, вызвать их и дать им волю. Вы еще не пробовали посредством вибраций производить опасные яды, или вызывать исцеления, которые профаны непременно сочтут «чудесными», а не то оплодотворять землю, но не формулами или первородной эссенцией, – а музыкой, ибо вибрациями все движется и сохраняет равновесие. Вокруг профана вся природа звучит, благоухает, сверкает тысячами красок, а он не отдает себе в том отчета, потому что не видит и не воспринимает невидимого. Теперь пойдете, – сказал Сиддарта, вставая.

– Я дам вам послушать магическую музыку и введу в астральный мир, где вы увидите работу гармонических вибраций. Как магнит притягивает железо, так и звуки привлекают

звуки, а гармоничные волны сливаются все в более могучие вибрации. Ваша задача – научиться измерять, взвешивать и регулировать это могущество.

И иерофант привел своих учеников в залу музыкального посвящения. Это была совершенно темная, просторная и круглая пещера. Обладавшие духовным зрением маги поместились на низких креслах, а Сиддарта взял хрустальную лиру и сказал, смеясь:

– Закройте ваши духовные очи и смотрите, как музыка вызовет свет.

Спустя минуту раздалась вибрирующая, странной модуляции звуки, а вслед за сим во мраке сверкнул огненный луч, рассыпавшийся миллионами разноцветных искр.

По мере того как музыка звучала громче, звуки становились полнее и могучее, сыпались, точно искры, и скрещивались, как падающие звезды, образуя невероятно разнообразные геометрические рисунки.

Этот фейерверк перешел в потоки радужных лучей, которые, падая на землю, рассыпались тысячами светлых капель и шумели, точно вода. Вдруг подземелье озарилось ослепительным светом, а в воздухе разлился до одурения сильный, но приятный аромат.

Иерофант остановился и опустил лиру. Дахир с Супрамати, словно внезапно разбуженные, оглянулись вокруг и тогда только заметили, что с одной стороны подземелья была точно небольшая поляна. Сиддарта указал на нее рукою и заиграл вновь.

Мелодия теперь была иная, ослепительный свет побледнел, принял зеленоватый оттенок, а земля казалась прозрачной, и в ней ясно видны были различные зерна и зародыши. Вдруг разноцветные огоньки стали точно врезаться в землю, всасываясь затем в зародыши; и по мере того как нарастала сила гармоничных вибраций, на почву начали падать зеленоватые волны; зародыши между тем вздувались, раскрывались и пускали ростки.

Опять иерофант сделал паузу и молчал, а взор его был устремлен в пространство и горел восторгом; раздавшиеся затем звуки лиры звучали божественной красотой.

Свет становился слабее, принял голубоватый оттенок, и на этом бархатисто-нежном фоне стали вырисовываться действительно восхитительные картины.

Точно в калейдоскопе, появлялись друг за другом зеленеющие луга, тенистые долины, леса с исполинской растительностью и фантастические скалы, а в их расщелинах кипели и пенились разноцветные водопады. На цветущих ветвях, перепархивая с цветка на цветок, виднелись нежной красоты существа, – непорочное излучение мозга мага, его стремление к свету... Это также были существа, одаренные известной жизненностью и составлявшие тайну неведомого профанам творческого могущества.

Супрамати был очарован и слушал, забывая все, не чувствуя ничего, кроме блаженства любоваться столькими прелестями. И вдруг неожиданная мысль блеснула в его мозгу.

– Положим, я способен постигать и воспринимать все это своими изощренными чувствами; но ведь мне предстоит идти в заурядное человечество, чтобы передать и объяснить все эти тайны толпе... Каким языком говорить мне с ними, как убедить их, когда они желают видеть и понимать лишь то, что могут пощупать и освидетельствовать своими грубыми чувствами?... Они мне в лицо расхохочутся и признают пациентом сумасшедшего дома, если я скажу им, указывая на какого-нибудь злодея:

– Взгляните на тучу демонов, создаваемых его преступным мозгом; взгляните, как носятся в пространстве эти опасные ларвы, ища к кому присосаться... Или я покажу им чистые и лучезарные мысли отшельника и постника, посланца мира и гармонии... О, святую истину сказал Христос, говоря:

"Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Божие".

Нет, нет, великие учителя истины были совершенно правы: нельзя всего открывать толпе, посвящение должно происходить в тигли и тайне, вдали от безобразного хаоса страстей людских. Ошеломляющее и страшное преподаваемое нам знание должно быть скрыто, как скрывают сокровища, и нерушимая клятва молчания должна охранять этот священный тайник...

Когда Сиддарта перестал играть, Супраматри воскликнул в восхищении:

– Как это прекрасно! Но сумею ли я когда-нибудь вызывать такой красоты и силы звуки? Иерофант улыбнулся и положил руку ему на плечо.

– Не думаешь ли ты, что за исключением времени серьезной определенной работы я играю по заранее выученной системе и специальным правилам? Нет, звуки, которые ты сейчас слышал, я вызываю из глубины моего существа; они служат выражением гармонии моей души. Возьми лиру и попробуй...

– Но я не умею играть на лире и раздери ваши уши моей какофонией, – ответил Супраматри, краснея.

– Не бойся. Вознеси душу свою на красоты божественные, отдайся вдохновению, молись, и порывы твоей души выльются в те чудесные вибрации, которые только что привели тебя в восторг.

Покорный словам наставника, Супраматри взял лиру и, углубясь в горячую молитву, возложил пальцы на струны. Все существо его тонуло в любви, вере и благоговейном стремлении к высшим обителям...

Без всякого с его стороны усилия, движимые словно высшей силой, пальцы его коснулись струн, и полились мягкие, величавые звуки, вызывая идеальной красоты образы, озаренные потоками многоцветного света. Гармония крепла, становилась все прекраснее и трогательнее. Восхищенный собственной музыкой, слушал маг и спрашивал себя: ужели его стремление к добру было действительно так сильно, что облекалось в звуки и стало доступно восприятию.

Когда замерли последние аккорды, Сиддарта обнял Супраматри и поцеловал.

– Ты видишь, сын мой, насколько уже очистилась твоя душа и стала прекрасной: не было ни одного несогласного звука, который нарушил бы очарование достигнутого мира. – Теперь ты, Дахир, возьми лиру и дай нам послушать гармоничное эхо твоей души. А потом вы услышите беспорядочную и неблагозвучную музыку, которая вызывает зло и способна убить.

Игра Дахира, как и его друга, заслужила полное одобрение иерофанта; он отвел их затем в школу музыкального искусства и, позвав одного из учеников низшего класса, приказал следовать за ними.

К удивлению Дахира и Супраматри, они вышли из пирамиды. Стояла ночь, и слабый свет луны в последней фазе окутывал бледным сумраком дикую пустыню. Кругом было пусто и безмолвно.

По указанию иерофанта ученик начал играть, и по мере того как пронеслись в воздухе резкие, пронзительные звуки, издали послышалось в ответ рычание и рев; потом из тьмы показались различные дикие животные: пара львов, несколько пантер, гиены, шакалы; все эти звери; видимо, раздраженные и обеспокоенные, вышли из нор, расщелин и заброшенных могил, где скрывались днем.

Глухо рыча, со взъерошенной шерстью, хлеща себя хвостом по бедрам, хищники с бешенством смотрели друг на друга фосфорически горевшими во тьме глазами. Чем резче и мощнее становились звуки инструмента, тем более росло раздражение животных. И вдруг они бросились друг на друга, терзая зубами и когтями. То был бой не на жизнь, а на смерть. Даже гиены и шакалы, обычно трусливые и лукавые, – и те обезумели, словно от бешенства.

Драка кончилась бы, наверно, многими жертвами, если бы музыка не смолкла; а затем животные, по воле мага, разошлись по своим логовищам.

– Видите, друзья мои, – заметил Сиддарта, когда они вернулись в пирамиду, – такими звуками вызывают духов зла. Люди с грубым, притупленным слухом не слышат дьявольской музыки, которою банды демонов натравляют их один на другого; астральный же мозг слышит и чувствует неблагозвучные вибрации воздуха и им овладевает бешеное волнение.

Вибрация может быть доведена до такой степени напряжения, что сообщится земле и вызовет колебание почвы и обвалы. На шабашах пение, сопровождавшее хороводы, вызывало такие неистовства, которые роняли человека ниже животного.

Опыты, показанные мною вам, являются лишь клочком искусства магической музыки, и чем более углубимся мы в эти вопросы, тем более раскроется перед нами ряд странных и поразительных явлений.

С этого дня изучение магической гармонии стало одним из любимых занятий Супрамати и Дахира.

Глава третья

Не считая времени, – годы или века текли мимо – Дахир и Супраматии учились с жаром. Настал наконец день, когда их позвали на собрание иерофантов, а старейшина таинственной общины встретил их словами:

– Друзья и братья! Закончен курс учения, который мы наметили для вас. Вы достаточно сведущи и вооружены, чтобы приступить к необходимым для вашего возвышения испытаниям. Вы отправитесь миссионерами, чтобы внести свет во тьму.

То, что я скажу Супраматии, относится и к тебе, Дахир, потому что, за небольшой разницей, миссия ваша одинакова.

Итак, Супраматии, ты пойдешь в мир, где царит полное безбожие. Несмотря на то, что человечество это, отвергнутое Богом, достигло высокой внешней культуры, его нравы и законы жестоки и кровожадны. Не допуская никакого божественного начала и приписывая все творение слепым космическим силам, люди эгоизм сделали основным законом жизни.

Задача твоя тяжела, потому что трудно проповедовать вечные истины подобным существам. А между тем вера и слова твои должны вызвать переворот и нравственное возрождение.

Проповедь твоя, предупреждаю, возбудит дикую вражду; но при этом ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должен пользоваться ни своим знанием, ни могуществом для самозащиты, или хотя бы ради облегчения своего труда.

Знание твое может служить только для облегчения чужих страданий.

Там ты будешь беден: у тебя не будет ничего, кроме приобретенной духовной силы и веры в Бога и своих руководителей; но, если ты выдержишь испытание, тебя увенчают слава и радость сознания, что в нечистом мире ты зажег очаг священного огня любви к Богу.

Помни, борьба предстоит тяжелая и мучительная; безобразие человеческое обрушится на тебя во всей мерзости; за все данное людям добро ты пожнешь ненависть и страдание; а между тем с высоты своего духовного развития и ясновидения мага ты должен жалеть, любить эти существа, которые еще пресмыкаются у подножия лестницы совершенства, а не осуждать их, снисходя к ним, как ученый к невежде.

Обыкновенный человек борется тем же оружием: за вражду платит враждой, за рану – раной; ведь толпа – слепа, и в ней бушуют и борются семь плотских начал, которые она прозвала семью смертными грехами. И тот, кто победил эти грехи, будет вооружен семью главными добродетелями и должен сеять одну любовь, платить светом за тьму, добром за обиду.

Теперь, дети мои, скажите: чувствуете ли вы себя достаточно сильными, чтобы приступить к испытанию, победить все человеческие слабости и добровольно взять на себя ответственность за эту трудную, хотя славную миссию со всеми возможными, даже тяжелыми случаями. Отвечайте искренно и помните, что вы – свободны; мы только предлагаем вам испытание, но не налагаем его.

Супраматии и Дахир слушали, бледные и смущенные: все оставшееся в них обыкновенного человеческого содрогалось от болезненно-жуткого чувства чистого человека, обязанного вступить в клоаку зла.

Почти невольно поднял Супраматии затуманенный взор на иерофанта, белоснежная одежда которого была точно усеяна алмазной пылью и из-под клафта исходили лучи света – символы победы на поле духовной битвы; большие и лучистые глаза ученого смотрели на него проникновенно и строго.

И он инстинктивно чувствовал, что наступила важная минута перед последним шагом, который совлечет с него заурядного человека, освободит от рабства плоти, чтобы сделать учителем света и существом действительно высшим.

Вдруг широкое сияние окружило его голову, луч веры и воли сверкнул в глазах, и, протягивая руки к иерофанту, он воскликнул:

– Ученик будет достоин своих дорогих учителей. С радостью и доверием принимаю я испытание, потому что для души, освободившейся от невежества и бремени плоти, не должно существовать препятствий. Разве не победил я уже материю, не угасил страсти, не поборол дракона сомнения? Могу ли я после того бояться спускаться по лестнице вниз, когда, благодаря вашим урокам и поддержке, поднялся на много ступеней ее? Приказывай, учитель, когда должен я начать свое испытание!

– А ты, Дахир? – спросил иерофант, добродушно улыбаясь.

– Учитель, душа моя вторила каждому слову Супрамати; как и он, я готов принять испытание, и надеюсь, что не ослабею, выполняя священный, данный мне руководителями наказ провозглашать величие Создателя.

В этот миг зала наполнилась серебристым паром; в воздухе могучими волнами разнеслась нежная, как пение сфер, музыка, и около кресла иерофанта появилась высокая фигура Эбрамара; лицо его сияло радостью.

– Дайте мне обнять и благословить вас, дорогие дети души моей. Ответ ваш доказал мне новую победу! – произнес он и простер над ними руки.

Поток золотистого света озарил его возлюбленных учеников, и над их головами заблестел лучезарный, словно алмазный, крест, а Супрамати с Дахиром, как простые смертные, пали на колени перед своим посвятителем.

Когда оба встали, их окружили иерофанты, и завязалась дружеская беседа; а Верховный иерофант сообщил им, между прочим, что они должны подготовиться к испытанию особым режимом, и через три недели их отведут в пещеру Гермеса.

– Ты, Супрамати, отправишься первый, тамошние посвященные члены тайного братства примут тебя и направят твои первые шаги. Дахир уедет на другой день, – прибавил Эбрамар.

Вечером того же дня Эбрамар и Сиддарта устроили их в уединенной пещере и проводили с ними долгие часы, давая специальные указания и освещая казавшиеся им неясными вопросы, словом, подготавливали их к важной миссии. Кроме того, Супрамати и Дахиру преподавали основы языка той страны, где им предстояло действовать.

Им давали в пищу особо и сильно ароматичное вещество вроде меда, а поили голубоватой фосфоресцирующей влагой, приводившей их в состояние экстаза.

Когда истекло время приготовления, в пещере появились однажды Эбрамар и Верховный иерофант в сопровождении шести других ученых; все они были в священном облачении и с присвоенными их сану нагрудными знаками. За магами следовали адепты, несшие на золотых блюдах различные одеяния, а за ними певцы с арфами в руках.

Супрамати догадался, что настала решительная минута, и тотчас встал. Адепты окружили его и одели в трико, сделанное будто из шелка, но тонкое, как паутина, и затем в короткую белую тунику с красным поясом. Голова оставалась непокрытой, но между двух лучей мага теперь сверкал, как исполинский бриллиант, крест, вызванный из пространства Эбрамаром.

Эбрамар и иерофант стали по обе стороны Супрамати и все вышли из пещеры, у входа в которую их ожидала многочисленная толпа. Шествие выстраивалось, и впереди иерофантов четыре адепта несли нечто вроде костра, где с треском горели травы и вещества, распространявшие удивительно живительный аромат. Далее шли жрицы, которые пели и усыпали путь магов цветами.

У священного грота Озириса шествие остановилось; несшие костер удалились, поставив его на мраморный куб посередине грота, и внутри остались лишь иерофанты и Супрамати, несший крест магов; на прекрасном лице его было восторженно-сосредоточенное выражение.

Перед костром возвышался престол, и на нем красовалась увенчанная крестом чаша братства Грааля, а вокруг стояли рыцари в серебряных доспехах; между ними был и Дахир.

Супрамати преклонил колени на ступенях престола, и все присутствовавшие последовали его примеру; настала торжественная тишина, нарушаемая только доносившимся снаружи тихим и нежным пением.

Затем Старейшина братства Грааля взял чашу с дымящейся эссенцией жизни и света и подал Супрамати, а когда тот отпил, он возложил руки на склоненную голову миссионера и произнес молитву.

Затем подошел Эбрамар и взял с престола какой-то странный инструмент, который передал Супрамати. Это было нечто вроде арфы из хрусталя, а струны отливали цветами радуги.

– Возьми с собой эту утешительницу и опору. Божественная гармония, которую ты извлечешь из инструмента, вознесет тебя над всеми невзгодами житейскими, – сказал он, целуя его.

Охваченный радостью, признательный Супрамати взял инструмент и поцеловался с присутствовавшими на прощание. Последним и самым продолжительным было прощание с Дахиром.

Потом в сопровождении только иерофантов и Эбрамара он скрылся за тяжелой металлической завесой, закрывавшей пещеру Гермеса.

Там царил голубоватый сумрак и клубились серебристые облака.

Маги привели Супрамати прямо к открытому саркофагу, в который тот улегся на каменную подушку. Пальцы его тихо бродили по струнам арфы, и полилась восхитительная мелодия, странная и могучая; вся красота души великого артиста выливалась в созданных им звуках, замиравших мало-помалу.

Эбрамар и иерофанты опустили на колени, воздев руки, а вверху собирались облака, испещренные сверкающими искрами. Образы с неясными очертаниями, сотканые точно из белого огня, окружили саркофаг, в котором лежал неподвижно маг, погруженный в волшебный сон.

Прокатился точно раскат отдаленного грома; потом бурный порыв ветра как будто поднял из саркофага массу облаков и посередине их столб электрического искристого огня. Мгновенно облачная масса поднялась вверх и растаяла в сумраке, а затем наступила тишина.

Саркофаг был пуст, и виднелись лишь набросанные на дно белые цветы, распространявшие сильный аромат.

Красноватые лучи солнца освещали странную, дикую картину: пустынную местность, покрытую высокими обрывистыми синеватыми горами, лишь кое-где поросшими темным тощим кустарником.

Между остроконечными скалами и пропастями вьется узкая тропинка, по которой идут два человека в темных плащах. По внешности их видно было, что они принадлежат к различным расам.

Один – очень высокий, худой, но крепко сложенный, с угловатыми чертами лица и безбородый; глаза его были неопределенного цвета и лицо удивительно прозрачной бледности, точно у него в жилах текла не красная, а сапфировая кровь. Проворно и уверенно взбирался он по крутой и каменистой тропинке, что указывало на его цветущий возраст.

Спутник его был молодой человек лет тридцати, стройный и ловкий, с большими ясными глазами, свежим цветом лица, как у земных людей, и густыми темными волосами, выбивавшимися из-под опущенного капюшона.

Говорили они на странном наречии – международном языке, священном для всех посвященных высших степеней.

– Да, брат Супрамати, ты довольно хорошо овладел нашим местным языком, чтобы начать свою миссию.

Пещера, куда я тебя веду, вполне приспособлена для твоего первого появления; там некогда было последнее существовавшее в нашем злосчастном мире святилище Божества.

Дорога в этом месте закруглялась; проводник и Супрамати обогнули несколько скал и вошли в узкую расщелину, которая затем расширялась и обратилась в просторную подземную галерею, многочисленными уступами спускавшуюся с высот.

Наконец они очутились в большой пещере, с одной стороны которой был выход на широкую площадку наружу. По-видимому, место это прежде служило часовней, судя по тому, что в глубине, на высоте двух ступеней, виднелся престол из синего, как сапфир, камня, осененный крестом.

На престоле стояла большая металлическая чаша с вырезанными на ней знаками Зодиака и два маленьких треножника с травами.

В небольшой смежной пещере виднелись узкое, из досок сколоченное ложе, стол и деревянная скамья. Из стены подле стола бил ключ и хрустально чистая, сапфирового отлива вода его падала, журча, в овальный, довольно глубокий водоем.

Спутник Супрамати вывел его на эспланаду над глубокой пропастью, на дне которой гремел и пенился бурный поток.

Противоположный берег пропасти был много ниже и далее круто спускался на обширную равнину, где паслись стада... Далеко вдаль смутно вырисовывались высокие здания и массивные сооружения большого города.

– Ты видишь, брат мой, нашу столицу, – сказал иерофант этой другой планеты, возвращаясь в пещеру.

– Позволь мне благословить тебя и призвать на твою главу благословение Верховного существа, к стопам Коего ты хочешь вернуть Его заблудших детей.

Он простер руки, и в тот же миг над головой его засветились пять ослепительных лучей, а на груди засиял разноцветными огнями нагрудник. Из его рук на коленопреклоненного Супрамати посыпались снопы искр, затем закрутился вихрь голубоватого пара, и когда Супрамати поднялся, иерофанта уже не было.

Оставшись один, он достал из-под плаща хрустальную арфу и, положив ее на скамью вместе с принесенным им кожаным мешком, пошел преклониться перед престолом.

По мере того как он молился, на престоле загорелись сначала оба маленьких треножника; потом засиял снопами света крест, и наконец из чаши появилось золотистое пламя, озаряя наполнявшую ее пурпурную влагу.

Когда Супрамати встал с молитвы, на землю уже опустилась ночь. Он вышел на площадку перед пещерой и сел на глыбу камня, задумчиво глядя на медного цвета небо, усеянное звездами, сверкавшими, словно розовые бриллианты. Тоска по далекому миру, – его родине, – сжала сердце, и в эту минуту взятая им на себя задача показалась ему тяжелой и бесплодной.

Но слабость эта была непродолжительна, и он усилием воли поборол ее. Планета эта, как всякая другая, была «обителью» в доме Отца Небесного, любовь Коего простирается равно на все Его создания; здесь, *как и там, на Земле, он работает во славу Творца* и должен исполнять это с радостью.

В долинах, которые Супрамати видел с высоты своего убежища, в тот день было большое волнение. Там паслись огромные стада богатых горожан. И вот сторожившие скот многочисленные пастухи, рослые, коренастые люди, сходились в кучки или бегали в замешательстве, указывая руками на господствовавшие над пропастью высоты. Все видели, будто небо вдруг озарилось громадным сиянием и точно огненный шар, увенчанный каким-то странным знаком, всплыл на вершины гор; вместе с тем вдаль грохотал гром, а ночью над эспланадой витал огненный лучезарный круг. Что же могли означать эти странные явления, да еще около бездны – страшного, проклятого места, которого все избегали?

В далекой горной долине, со всех сторон защищенной скалами и пропастями, доступной только подземными ходами, устроили себе приют посвященные. Там стояли дворцы мудрецов,

храмы и таинственные библиотеки, где собраны были сокровища науки и хранились архивы планеты.

Среди жителей существовала, правда, легенда, будто в горах скрывалась община таинственных людей, одаренных большим могуществом и оставшихся верными отвергнутому Богу. Но так как никто никогда их не видал, то предание это жило преимущественно среди рабочего класса, аристократия же, ученое сословие и вообще «интеллигенция» планеты, не дававшая себе труда исследовать истину, смеялась, конечно, надо всеми такими "бабьими сказками".

В этом-то убежище иерофантов очнулся Супраматри от своего магического сна и был окружен заботой и любовью.

Там провел он первые недели пребывания в новом и незнакомом мире, подчиняясь особому режиму, чтобы приспособить организм к чуждым атмосферическим и другим условиям. В то же время он совершенствовался в знании местного языка, изучал попутно историю, географию и политическое положение этой маленькой Земли, по размерам равной приблизительно Луне. Узнал он, что на планете живут лишь две расы: марауты, рабочее население, – высокорослый, крепкий, деятельный народ, но мало развитый умственно и совершенно поработанный рудрасами, – аристократическим и умственно развитым племенем, из среды которого выходили ученые, артисты, бюрократия и вся прочая «интеллигенция». Эта господствующая раса была слабая, хрупкая, подверженная особым нервно-мозговым болезням, как-то беспричинные с виду параличи, внезапное помешательство, слепота и т. д.

Один наследственный монарх царствовал на планете; но мараутами правил Вице-Король – его наместник, и это королевское племя находилось совершенно в исключительном положении, гордо претендуя на происхождение от божественных династий, которые на заре цивилизации правили Землею и заложили начало всех наук и искусств.

Подготовительное время Супраматри провел в полном уединении, имея общение лишь с очень немногими членами общины, а среди них с молодым по виду человеком, называвшимся Сартой, который обещал навещать его, когда тот устроится в избранном для него месте, и помогать в изучении условий новой жизни.

На другой день по прибытии в пещеру, Супраматри обрадовало посещение друга; Сарта принес ему в подарок фрукты, и они расположились беседовать у входа.

– Мне не дозволено часто посещать тебя, брат, так как ты должен сам все делать; а задача предстоит тебе тяжелая, потому что наше человечество очень жестоко, себялюбиво, поглощено материей, – заметил со вздохом Сарта.

– Бог поможет мне и ниспошлет счастье пробудить в них веру, милосердие и любовь, – возразил Супраматри с непоколебимой уверенностью. – А разве вы, братья, никогда не пытались, сами обратить слепцов на путь истины?

– Конечно, пробовали, но все попытки были тщетными. Должно быть, время еще не наступило; к тому же здешние законы так строги, что люди даже боятся слушать религиозную проповедь. Независимо от этого, столь нелепые и смешные слухи ходят насчет нас, что если бы кто заподозрил, что видит «горца», как мы у них зовемся, – то убежал бы со всех ног, ибо они уверены, что для возвращения их к былому вероучению мы шлем им с гор при каждом торжестве различные беды: грозы, наводнения, заразные болезни и всякие такого рода удовольствия.

И оба собеседника от души рассмеялись.

– Такова наша общая участь – быть непризнанными, – шутя заметил Супраматри. – Но скажи, брат Сарта, какие же обстоятельства могли довести ваше человечество до такой яркой ненависти к Божеству, что оно даже забаррикадировалось законами против своего Отца Небесного? Полагаю, что мне нужно это знать.

– Слишком долго было бы описывать все подробно, но я охотно передам тебе вкратце, что привело к такому печальному положению вещей, – ответил Сарта, подумав.

– Не стоит рассказывать тебе, что и у нас был свой "золотой век", когда царили посвященные, которых здесь, как и у вас, называли "божественными династиями". Это был апогей цивилизации и, естественно, развития духовных способностей. Затем настал упадок, начались злоупотребления колдовством и черной магией, и произошел разрыв с правлением посвященных.

По мере того как расширялось практикование черной магии, низменные инстинкты человека взяли верх и действовали растлевающе; разврат и жестокость приняли ужасающие размеры, и озверевший народ дошел до человеческих жертвоприношений. Но так как, несмотря на все это, оставались еще приверженцы учителей и наставников учения божественных династий, то все население разбилось на два лагеря: Бога белого и черного, на партии белого и черного короля. Начались ожесточенные войны, принимавшие с течением времени все более дикий и кровавый характер. Под влиянием разнузданных страстей защитники белого Бога сохранили только название своей партии, совершенно позабыв основные начала и законы, которые она должна была собой представлять; разбои, человеческие жертвы, употребление во зло всех духовных сил создали невозможное положение вещей.

Тогда-то на мировой сцене появился необыкновенный человек, которому суждено было вконец преобразовать мир. Космические перевороты, явившиеся следствием распространения зла, опустошали нашу планету; один из континентов был поглощен водой, а население косили жестокие болезни.

Этим смутным временем общей неурядицы воспользовался Ашокра, чтобы завладеть властью.

Происхождения он был темного, и в эпоху убийств, предшествовавшую наводнению, потерял всех близких; чтобы упрочить свое положение, он усыновил маленького сироту, которого считали родственником прежнего белого царя.

Энергичные разумные меры, принятые им для восстановления порядка, исправления повреждений, развития торговли в промышленности, быстро завоевали ему всеобщую любовь и доверие. Тогда, будучи вполне уверен, что пользуется безграничным авторитетом, он начал неслыханную, социальную реформу, исключившую на нашей планете даже имя Божества.

Всякое исповедание какого бы то ни было верховного существа, белого или черного, было устранено; религиозные церемонии воспрещены под страхом строжайших наказаний, равно как и сношения с невидимым миром, ввиду того, что всякая религия, как именно сношение с существами неземными, вызывала только лишь беспорядки, вражду, войны и возбуждала дикие страсти. Если-де существует потусторонний мир, то пусть освободившиеся от тела души устраиваются по своему вкусу, искупают либо вознаграждаются за свои грехи, лишь бы не беспокоили живых. Ввиду этого подлежит немедленному сожжению и вообще уничтожению всякое место, где появятся видения, будет слышаться непонятный шум и происходить всякие подозрительные явления; что же касается занятия магией – черной или белой, – то виновные в том немедленно наказываются смертью.

По столь прекрасной программе вот мы живем около тысячи лет и наслаждаемся удивительнейшей цивилизацией, какую только можно вообразить. Правда, искусства и промышленность достигли высокой степени развития, но зато не менее процвели эгоизм, жестокость и несправедливость.

Основной принцип нашей «культуры» – это утилитаризм: каждый имеет право защищать свои интересы, даже и не по совести; преступления же против государственных интересов караются жестоко; есть положительно страшные законы, но вообще понятие о справедливости совершенно атрофировано.

Сарга умолк и тяжело вздохнул, а в энергичном взгляде Супрамати по-прежнему блистали вера и надежда.

При дальнейшей беседе Сарта предложил своему новому приятелю побывать в городе инкогнито, чтобы несколько ознакомить того с полем его будущей деятельности. Супрамати с благодарностью принял предложение. Через несколько часов они вышли из пещеры, скромно одетые в обычный, употреблявшийся населением костюм, и направились к городу.

Дорога прекрасно содержалась, поля были отлично обработаны и поражали разнообразием посевов. Растительность вообще была роскошна, и Супрамати очень заинтересовался объяснениями Сарты относительно различных фруктовых деревьев, росших по пути. Самым удивительным показалось ему дерево с крупными плодами, похожими на земные огурцы, но блестящие, точно покрытые лаком.

– Видишь ли, Супрамати, это дерево с толстым и зеленым внизу, а кверху темным стволом? Осенью, когда плоды созреют, весь ствол высохнет и будет пустотелым внутри, тогда, по снятии плодов, весь ствол обмазывают смолистым тестом, меняя его через две недели, и оставляют в таком виде на зиму. Весной дерево начинает покрываться листьями и цветами, как будто и не умирало.

– Всюду природа указывает нам пример воскрешения, – заметил Супрамати, улыбаясь.

– Я еще не сказал тебе, что из сока этого оригинального дерева выделяют превосходный ликер, который чем дольше сохраняется, тем становится крепче, – прибавил Сарта.

Столица оказалась огромным городом, разделенным на две совершенно различные части. Одна, большая часть, принадлежала мараутам; они, очевидно, любили яркие краски, судя по тому, что окруженные садами дома их положительно горели синим, красным, желтым и т. п. цветами; столь же яркой окраски были и материи, продававшиеся в больших круглых и открытых со всех сторон павильонах.

Были и театры, так как марауты любили развлечения не менее нарядов и украшений, а рудрасы, пользовавшиеся ими как слугами и имевшие к тому же в их лице прекрасных покупателей, берегли их и устраивали всякие доступные им развлечения. А вследствие того, что рабочие классы привыкли получать все от рудрасов, из среды которых исключительно пополнялись ряды ученых, врачей, артистов, музыкантов и производителей всего изысканного, то марауты почитали их, даже боялись и считали большой честью служить им.

Город рудрасов был другого вида, изящнее и более артистичен: маленькие особняки, украшенные и отделанные, как ювелирные вещицы, утопали в тени пышной растительности; да и жители также сильно отличались от высоких и сильных мараутов.

Рудрасы, наоборот, были малы ростом, хрупкие, с тонкими чертами, интеллигентными лицами; но в глазах их таилось что-то жестокое и лукавое, делавшее их вообще несимпатичными.

Не раз уже внимание Супрамати привлекали широкие полосы материи темно-лилового цвета, развешанные на входных дверях некоторых домов.

– Скажи мне, брат, что означают эти полосы материи? Все одинаково помечены одним красным знаком, а между тем встречаются они на домах и мараутов, и рудрасов, и – что особенно странно – на жилищах, принадлежащих, по-видимому, людям различного общественного положения и состояния?

На лице Сарты появилось выражение неудовольствия и горькая усмешка.

– Полосы эти, дорогой Супрамати, являются знаком позора для нашего мира и означают, что среди обитателей того или другого дома находится какой-нибудь неизлечимый больной или калека, приговоренный к смерти, а говоря проще – подлежащий избиению на основании постыдного закона.

Супрамати недоумевал и вопросительно смотрел на него.

– Что такое? У вас убивают больных? По какому праву и как же соглашаются семьи на такую неслыханную жестокость?

Сарта засмеялся.

– По какому праву? Ради общественной пользы. Но я должен объяснить тебе это несколько подробнее, чтобы ты понял всю утилитарную тонкость закона, который ты называешь жестоким.

Тебе известно, что духовный идеал и все касающееся божественных законов воспрещено у нас; значит, свободное от всякой этической узды человечество оказалось окончательно во власти инстинктов плоти. Нравственность более чем слаба, а с твоей, например, точки зрения можно было бы сказать, что ее не существует вовсе; наоборот, в изобилии процветают всякого рода постыдные пороки и страсти, и народ, – особенно рудрасы, как более слабые физически, – стал подвержен различным болезням, как, например, внезапное сумасшествие, параличи, конвульсии, которые совершенно обезображивают члены, язвы, вроде вашей проказы, наконец, потеря зрения навсегда. Все эти болезни чрезвычайно заразительны и трудно излечимы; а так как врачи изучают и знают одну лишь материю, и потому могут лечить только тело, не доискиваясь никогда оккультной причины недуга, то болезни, вызываемые одержимостью, злой волей чужого человека, душевными страданиями и т. д., остаются вне их компетенции.

К тому же преступления, пороки, разврат привлекают злых духов, и число их растет с каждым днем, а так как слепое человечество лишено защиты против страшных оккультных сил, то и опустошения, причиняемые ими, все возрастают. Ведь все, что поддерживает и очищает людей, – молитва, вера в Бога, призыв добрых сил – воспрещено, и они утратили даже и самое понятие о них.

Ввиду того, что вся наша правительственная система основана исключительно на утилитаризме, то правом на жизнь пользуется только тот, кто на что-нибудь годен, кто может служить для своего личного или чужого удовольствия.

Таким образом ясно, что неизлечимые сумасшедшие, слепые, больные раком, дети-идиоты, словом, существа, которые государству ничем не могут быть полезны, представляют лишь очаги заразы и неудобное для семьи бремя, потому что требуют в то же время бесцельных расходов, мешая людям наслаждаться жизнью и заниматься своими делами.

Однако несмотря на озверение населения, таящаяся в глубине человеческого существа божественная искра нередко вызывает привязанность к несчастным больным и горесть при сознании необходимости их лишиться.

Ввиду многих громких протестов, закон был наконец смягчен в том смысле, что для лечения больных определили известный срок; с тем, однако, что если по истечении этого срока надежды на выздоровление не окажется, "это вредное" и «лишнее» существо должно быть уничтожено.

– Всемогущий Боже! А как их убивают? – спросил бледный от ужаса Супраматти.

– Ну, церемониться тут нечего!... Ежемесячно, в назначенный день, уполномоченное правительством лицо обходит дома с больными и проверяет продолжительность болезни вместе с определением врача; а если срок истек, то назначает день казни. Выходя, он привешивает полосу материи в доказательство, что здесь находится один из осужденных на смерть.

Всех приговоренных текущего месяца казнят в один и тот же день; на заре их отправляют к пропасти, над которой находится твой приют, и там тот же чиновник, в сопровождении нескольких подчиненных, читает акт, объясняющий казнь и перечисляющий имена «лишних» людей, которых сопровождают их близкие. Затем им дают приводящий в бесчувственное состояние напиток и бросают в пропасть.

– Какой ужас! Пропась эта должна быть почти наполнена, если в нее веками бросают столько жертв?

– О, нет! Поток, шум которого ты слышишь на дне пропасти, падает в бездонную, по-видимому, расщелину и уносит туда трупы. Впрочем, брат Супраматти, ты будешь иметь случай увидеть все это и лично, потому что подобная казнь назначена завтра на заре.

Супраматти задумался и молчал.

– И неужели никогда ни одна мать не возмущалась, не восставала против такого ужаса? – спросил он наконец.

– Что поделаешь? Все подчинены и должны покоряться закону, не исключая самого короля. Бывают, конечно, стоны и слезы, но на открытое сопротивление никто не решается.

– Но если у вас так суровы с больными потому только, что они «лишние», то какая же кара установлена для преступников? – спросил Супраматти по дороге к пещере.

Сарта рассмеялся.

– С ними еще меньше церемонятся. Виновные в государственных преступлениях, в убийстве людей полезных, в похищении денег, предназначавшихся на общественные дела, вешаются по приговору краткого суда. Что же касается бродяг, мошенников, попрошайек и вообще людей, которые вышли из состава общества и не трудятся, а хотят жить за чужой счет, – тех спроваживают в пустынные области; а затем, хотя и нет собственно распоряжения истреблять их, но если бы и произошел такой «случай», то виновный обыкновенно не разыскивается и потому наказанию не подлежит.

– Какое плачевное положение вещей! – с грустью заметил Супраматти. – Буду молить Бога поддержать меня, чтобы я был в состоянии рассеять мрак и направить на путь совершенствования эти заблудшие души.

Глава четвертая

Всю ночь провел Супрамати в горячей молитве и только на заре, когда издали донесся топот, вопли и рыдания подходившей толпы, он встал со ступеней престола и выглянул наружу.

Со стороны города по дороге к пропасти тянулось многолюдное шествие, и кто-то нес впереди, в виде знамени, полосу черноватой ткани, какие Супрамати видел развешанными на домовых дверях; далее следовала кучка чиновников и, наконец, бесконечной вереницей на повозках или носилках следовали осужденные, окруженные плачущими членами семьи; в наибольшем отчаянии, по-видимому, были женщины, несшие детей-калек, горбатых и парализованных, цеплявшихся ручонками за шеи матерей.

Подойдя к краю пропасти, страшная процессия остановилась и выстроилась огромным полукругом, посредине коего стали чиновники в золоченых шлемах, увенчанных птицей с распущенными крыльями – как символом безусловной свободы – и секретарь с книгой городских списков, откуда он должен был вычеркивать имена несчастных по мере исчезновения их в бездне. Был даже оркестр, но назначение его состояло в том, чтобы шумной музыкой заглушать вопли присутствовавших и жертв, если бы у некоторых, несмотря на наркотик, хватило сил кричать. На стоявшем поодаль столе врачи начали разливать в чаши приготовленное питье.

Один из уполномоченных правительства собрался прочесть приговор; но в этот миг на эспланаде, возвышавшейся над пропастью с другой стороны, показался человек в белом одеянии с арфой в руке.

Первый луч восходящего солнца озарил пурпуром его белоснежное одеяние, прекрасное вдохновенное лицо и хрустальный инструмент, блиставший, как алмаз.

Минуту спустя тонкие пальцы загадочного незнакомца коснулись струн и раздалась странная, то нежно певучая, то строгая мелодия.

Собравшаяся на противоположной стороне толпа застыла, словно очарованная, и взоры всех были устремлены на неведомого музыканта. А тот продолжал играть и петь. Звуки становились все могучее, увлекающая и потрясая своей гармонией каждую фибру, будя незнакомые смутные чувства, поднимая людскую душу и размягчая ее, как воск.

Толпа, в том числе и чиновные лица, как за гипнотизированные, стали мало-помалу опускаться на колени; в то же время на эспланаду слетались отовсюду сотни птиц и безбоязненно окружали музыканта, располагаясь у его ног и садясь ему на плечи.

А он ничего не замечал, казалось, и продолжал играть. Теперь из него исходил голубовато-серебристый пар, окружавший его широким ореолом. Из этого очага полились лучи света, змейками спускавшиеся, падавшие на больных и поглощавшиеся их организмом.

Тогда представилось чудесное зрелище. Из тела больных за клубились вихри черного дыма, и по мере того как зловонные миазмы выделялись из организма, парализованные члены начинали двигаться, глаза слепых прозревали, раны закрывались, а бескровные истощенные лица приобретали жизненную окраску.

Не веря глазам, смотрели растерянные матери на своих только что едва не умиравших детей, которые радостно и свободно двигали пораженными руками и ногами или выпрямляли горбатую спину и согбенный стан. Часа не прошло, как тележки и носилки опустели. Все приговоренные к смерти, а теперь возвращенные неведомой силой к жизни и труду, вместе с остальными на коленях и со страстной признательностью взирали на таинственного музыканта.

Вдруг звуки оборвались; незнакомец опустил арфу, оглянул довольным взглядом стоявшую на коленях толпу и скрылся внутрь пещеры.

Словно отрезвившись от чар, народ поднялся, и раздалась радостные крики; родные осужденных на смерть целовали возвращенных им дорогих людей.

Смущенные происшедшим чиновники подтвердили, что больных больше не было и казнь не нужна, а потому распорядились возвратиться в город.

Волнение и любопытство охватило толпу, и каждого мучил вопрос: кто мог быть этот человек, одними звуками арфы исцеливший неизлечимых больных. Никто не знал, кто он и откуда явился; но уже через несколько часов вся столица была полна различных рассказов о таинственном незнакомце и совершенных им чудесах.

Слух о столь необычайном событии дошел до дворца короля. Сначала тот не хотел ничему верить, но когда один из присутствовавших на месте происшествия чиновников подтвердил факт, король пожелал увидеть кого-нибудь из прежних знакомых ему больных.

Тогда привели во дворец одного бывшего паралитика, прокажённую и слепую женщину, глухонемого ребенка, страдавшего конвульсиями человека, на искаженное лицо которого и изуродованные члены было страшно смотреть, и нескольких других.

Убедившись собственными глазами, что все они были теперь совершенно здоровы, король повелел описать, что ощущали они, когда совершалось исцеление. И все единогласно показали, что лишь только заиграл незнакомец, как они почувствовали дрожь во всем теле; затем все видели, как лучи голубоватого света зигзагами спускались на них и всасывались в тело, а по всему организму тотчас разливался поток огня, пронизывавшего их словно тонкими стрелами, в то же время их обвеивал свежий душистый ветерок, доставлявший невыразимое блаженство.

Каким образом произошло их исцеление, в этом счастливы не могли дать себе отчета; но страдания прекратились, глаза прозрели, рукам и ногам вернулась гибкость и, наконец, исчез даже всякий след болезни.

Оставшись наедине со старым председателем своего совета, испытанным другом, король выразил тревогу, смущенно спрашивая, что это был за человек, откуда он? Какую цель он, наконец, преследовал и что вообще следует думать обо всей этой истории?

Маститый старец задумался и потом сказал нерешительно:

– Надеюсь, государь, что ввиду столь исключительных обстоятельств ты дозволишь мне на сей раз говорить о запретных вещах.

– Разумеется. Мы одни, и я разрешаю тебе смело говорить обо всем, – ответил король.

– Итак, самое место, избранное этим незнакомцем для совершения таких удивительных дел, уже наводит меня на размышление. Пещера, в которой он приютился, была последним храмом прежнего белого Бога; в эту пропасть, как говорят, была брошена последняя божественная статуя вместе с верным священнослужителем, не пожелавшим покинуть святое место. Предание гласит, будто перед смертью он предсказал, что на этом же самом месте будет восстановлен первый храм белого Божества, и свет победит тьму.

– Конечно, все это нежелательно, потому что в будущем может вызвать беспорядки; но в настоящую минуту, я полагаю, было бы неразумно проявить жестокость в отношении человека, спасшего жизнь стольким несчастным. Подождем и посмотрим, что будет дальше, – заметил, подумав, король.

Весь город между тем волновался. В домах осужденных на смерть толпились посетители, и все приняло праздничный вид; а прежние больные – теперь здоровые и счастливые, – вращаясь среди друзей и знакомых, без усталости рассказывали о пережитых ощущениях и впечатлениях, произведенных на них и близких необыкновенным человеком.

Особенно сильное впечатление эти рассказы производили в тех семьях, где находились уже больные, которых на следующий же месяц комиссия общественной безопасности, несомненно, обречет на истребление.

В душе всех этих людей боролись надвигавшееся горе и смутная надежда на спасение; ибо сердце человеческое уже так создано, что никакой неправый закон не может его переделать и вырвать из него чувства, заложенные Творцом неразрушимой психической искры...

Поэтому в этих семьях и вызвало почти революцию ошеломляющее известие о спасении целой партии осужденных. Все спешили справиться о подробностях «чуда», узнать, куда идти и как поступать, чтобы получить такую же помощь.

На следующий же день шествие направилось к пропасти, везя и неся больных; а придя на место, вся толпа как один человек безмолвно упала на колени, не зная в тревоге, что предпринять.

Веками никто не учил их обращаться к Богу, и как надо было молиться, они не знали. Точно испуганное стадо, стояли они на коленях, со страхом, трепетом и надеждой взирая на Супрамати, появившегося на эспланаде над бездной.

Великодушное сердце мага исполнилось глубокой жалости к этим несчастным, жестоко лишенным самого понятия о Боге и не подозревавшим даже о дремавшей в них величайшей силе, которая могла снова зажечь огонь веры и опять соединить их с Создателем.

Полными слез глазами смотрел Супрамати на этих обездоленных и нищих духом, которые, подобно беспомощным детям, пугливо жались друг к другу, с тоской глядя на него.

И горячая молитва полилась из его души к Отцу всего сущего о даровании ему силы спасти несчастных, вернуть им самый драгоценный дар, всякому доступное и неиссякаемое притом богатство, – веру в Бога и любовь к добру.

В эту минуту в сердце посла иного мира пробудилась любовь к этим обитателям чужой земли, и он ясно ощутил братскую связь, соединяющую все существа всех миров и сфер – от атома до архангела – неразрывной цепью, которая пламенным лучом исходит из сердца Предвечного; протекает по всем системам и возвращается к своему первоисточнику.

Так вот она – великая тайна того божественного дыхания, которое подобно огню, зажигающему тысячи других, никогда само не истощается, а передается от атома к атому, оживляя материю и выводя из протоплазмы – мага с совершенным знанием!...

В эту высокую минуту Супрамати постиг сокровенную божественную мысль – заложить в самый момент создания в маленькое и слабое существо могучее чувство любви, соединяющее людей и миры и являющееся рычагом творения.

Все, бывшее до сего времени темным, становилось ясным; миссия теряла свою тяжесть; взятая им на себя задача была не только долгом, но и счастьем делать добро тем, кого любишь. Между ним и нищими духом, преклонившими перед ним колени, образовалась, благодаря состраданию, могучая связь, объединяющая создания Божий. Глубокая радость исполнила сердце пророка: дело его становилось прекрасным, и он получил награду...

Вся аура Супрамати наполнилась золотистым пламенем, и все его существо дышало гигантской силой. Он схватил арфу и вызванные из нее звуки были музыкою сфер, – могучей вибрацией, которая подчиняет стихии и собирает миры.

Как поток огня сообщалась могучая его воля невежественной толпе, на которую он смотрел с любовью. Взоры всех прикованы были к белой фигуре мага, слезы лились из глаз, и никто не подозревал, что это было пробуждение души, благодатной росой, которой предстояло оживить в них веру в Творца.

Все больные исцелились, и поток живительной силы, исходившей из Супрамати, был до того могуч, что даже ствол старого, высохшего дерева на краю пропасти вдруг ожил и корни его наполнились соком.

Это новое «чудо» вызвало бешеный восторг, и рассказы о «сверхъестественном» человеке, живущем в пещере, приняли сказочные размеры. Волнение дошло снова до королевского дворца, тем более, что между чудесно исцелившимися была Медха, молоденькая девушка, подруга принцессы Виспалы, внучки короля.

Король, по имени Инхазади, был уже стар, и двое его сыновей пали жертвой ужасного закона, о котором говорилось выше. Оба принца страдали неизлечимой болезнью и, несмотря на свое высокое положение, окончили один за другим жизнь в пропасти. У старого монарха

оставалась только внучка – его наследница, дочь младшего сына, которую он положительно обожал.

Виспала была обаятельная девушка в полном расцвете юной красоты, а Медха – ее лучшая подруга с детства. Мысль потерять ее стоила многих слез молодой принцессе; а потому как же она радовалась, увидав приятельницу совершенно здоровой. Виспала засыпала ее расспросами про таинственного человека, совершавшего такие чудеса, и Медха, обрадованная своим выздоровлением, восторженно описывала Супрамати.

– Никогда, никогда не видала я такого красавца и замечательно, что он вовсе не похож на наших мужчин. Хотя у него и бледное лицо, но можно подумать, что кровь красная, потому что щеки розоватые; волосы у него – вьющиеся, неопределенного цвета, с золотистым отливом. А глаза его нельзя описать, надо видеть их. Они точно дышат огнем, но выражают такую силу и вместе с тем доброту, что хотелось бы всю жизнь простоять на коленях, любуясь им, – отвечала Медха.

– Я должна его видеть! – воскликнула Виспала, и глаза ее вспыхнули. – Но где и каким образом?

– Ничего нет проще, принцесса. Ежедневно перед скалой, где совершаются исцеления, толпится народ, а он стоит на самом краю эспланады с арфой в руках и его можно свободно видеть. По ночам же, рассказывала мне тетка, голубоватый свет окружает пещеру и эспланаду, а он сидит снаружи, играет и поет. Никто не слышал еще никогда подобного пения; кажется, дрожит каждая фибра, а в мозгу и сердце что-то шевелится, и приходят самые странные мысли.

Даже животные точно зачарованы им, и птицы садятся, например, этому странному человеку на плечи, на колени или у ног. Просто невероятно!

Через несколько дней Виспала с подругой пробрались глубокой ночью к пропасти, где уже стояла кучка людей, с которой они и смешались. Действительно, странный голубовато-серебристый свет широким сиянием окутывал приют мага. Эспланада была пуста, но тучи птиц усеяли землю и выступы скалы.

Вскоре появился Супрамати, сел на широкий камень, служивший ему скамьей, и стал играть. В окружавшем таинственном сумраке его стройная белая фигура, прекрасное вдохновенное лицо, странные и неведомые мелодии, исходившие из-под его тонких пальцев, могучий бархатистый голос действовали увлекательно. Безмолвно, как очарованная, смотрела на него Виспала; все существо ее трепетало неизведанным чувством, и она смогла вернуться домой не ранее, чем маг ушел в пещеру.

Слава Супрамати разрасталась между тем удивительно быстро; народ валил со всех сторон взглянуть на таинственного незнакомца, полечиться и услышать его очаровательное пение.

Не будучи более в состоянии бороться с любопытством, престарелый король решил сам отправиться в пещеру и допросить неведомого пришельца, одаренного изумительной силой врачевания. Подземные пути на эспланаду были неизвестны королю, но снаружи сохранилась высеченная в скале лестница, которая в древние времена вела в часовню, и дорога эта, хотя попорченная за многие годы, все-таки была еще проходима. Король с трудом взобрался наверх и странно смущенный и взволнованный остановился у входа в пещеру.

Все внутри было залито голубоватым светом, о котором ему говорили, и насыщено нежным ароматом; а в глубине на престоле сияла окруженная снопами лучей чаша рыцарей Грааля, увенчанная крестом. На каменной скамье сидел за чтением свитка пергамента сам таинственный незнакомец, который осушил уже столько слез и успокоил столько страданий.

С жадным любопытством вдумчиво разглядывал король поднявшегося при его появлении Супрамати, красота которого поразила его; с первого же взгляда понял монарх, что перед ним – человек иной неведомой ему расы. После минутного обоюдного разглядывания они обменялись поклонами.

– Кто ты, незнакомец, и откуда явился, ибо ты неходишь на людей нашей земли, и где приобрел ты силу вырывать у смерти существа, обреченные на погибель наукой? – спросил Инхазади.

Супрамата подошел ближе и, приглашая старца сесть, так как тот, видимо, устал от тяжелого подъема, ответил спокойным голосом:

– Я посол Творца Нашего. Я пришел внести свет во тьму и напомнить людям этой земли их божественное происхождение. Настало время восстановить вновь связь Создателя с Его творением; давно уже человечество ваше лишено опоры в вере. Я пришел говорить сердцам людей и растолковать им бесконечную доброту Отца их Небесного: я сохраняю им жизнь и возвращаю здоровье для того, чтобы они прославляли имя Божие и благодарили Господа...

– Несчастный! – вскричал король, вскакивая. – Выраженные тобой намерения уже обрекают тебя на смерть. Разве ты не знаешь, что земля наша добровольно порвала всякую связь с Небом? Всякий посланец Того, Кого ты называешь Богом, будет отвергнут здесь; мало того, неумолимый закон осуждает его на смерть.

Супрамата улыбнулся:

– Я не боюсь смерти, и спасение моих братьев дороже мне жизни. Человеку духовная пища нужнее материальной, ему надо только дать понять, что он – слеп, и что, где бессильна земная наука, там он должен пасть ниц и призывать невидимое. Вот я и пришел для того, чтобы напомнить вашему человечеству забытые истины и научить его молиться. Предсказываю тебе, король, что ты один из первых преклонишься пред великим символом вечности и спасения.

Инхазади побледнел и тяжело дышал.

Под могуществом взгляда Супрамата всколыхнулась душа, и его вдруг охватило страстное желание услышать больше о Том Невидимом, к Которому можно обращаться в тяжелые минуты жизни.

Минуту спустя он снова опустился на скамью и нерешительно сказал:

– Говори то, что ты собираешься проповедовать моим подданным; я имею право услышать первый.

Когда спустя час Инхазади вышел из пещеры, на челе его залегла глубокая складка и во взоре светилось мрачное раздумье.

Последующие недели не отличались ничем особо выдающимся. Исцеления продолжались, и толпа, собиравшаяся на краю грозной, поглотившей уже столько жертв пропасти, все росла. Но теперь настроение умов понемногу изменялось; музыка, странное пение и волнение, вызванное возвращением здоровья и жизни, потрясали души.

В людях этих, утративших даже понятие о добре и духовном совершенствовании, живших одними лишь плотскими желаниями и наслаждениями настоящего, пробуждалось стремление слиться с чем-то светлым, чистым, исходившим из целителя, и познакомиться немножко, если возможно, с его чудесной наукой.

В результате семеро желавших сделаться учениками Супрамата вскарабкались однажды ночью по старой каменной лестнице, но затем робко, нерешительно остановились у входа в пещеру. Они глубоко потрясены были видом престола и лучезарного креста; удивительное обаяние, которым дышало убежище мага, покорило их, а от чистых, насыщавших воздух излучений кружилась голова.

Когда на пороге смежной пещеры появился Супрамата, смельчаки пали на колени и умоляюще протянули к нему руки.

Супрамата поспешно подошел, поднял их и ласково сказал:

– Добро пожаловать, первые жаждущие света Истины. Вы желаете стать моими учениками? Я охотно принимаю вас, так как ваша бедная земля очень нуждается в проповедниках, которые научили бы ее найти вновь путь совершенствования. Хотя, друзья мои, я считаю своей обязанностью предупредить вас, что принимаемая вами на себя задача – тяжела. Учение, кото-

рое я преподам вам, вы должны передать своим братьям, даже рискуя при этом жизнью, так как вера без дел – мертва. Обдумайте же, чувствуете ли вы себя достаточно сильными, чтобы усвоить и применить к делу мои наставления?

С минуту они совещались между собой, а потом один вышел вперед и уверенно сказал:

– Учитель, мы так слабы, так невежественны и слепы, что нам кажется чересчур смелым обещать то, что, может быть, мы не будем иметь сил выполнить. Но будь великодушен, испытай нас, а мы обещаем сделать все возможное, чтобы быть достойными твоих наставлений.

Добрая улыбка озарила лицо Супрамати.

Ответ ваш подает большие надежды. Кто признает себя слепым, того ждет впереди удача узреть свет вечный; тщеславный же навсегда остается слепым, потому что не видит ничего, кроме лишь своего воображаемого «величия».

– Еще раз скажу, друзья, – добро пожаловать! Вы останетесь со мною здесь; но прежде всего я должен очистить вас и снять покрывающую кору миазмов.

Он повел их в смежную пещеру, приказал раздеться, войти в водоем и стать там на колени, что и было исполнено беспрекословно. Тогда Супрамати простер руку, начертал кабалистический знак, и тотчас из пространства хлынула широкая полоса света, а на склоненных головах вспыхнули, вроде огненного свода, разноцветные огни, которые как будто всосались затем в организм.

Заметив появившиеся на их лицах страх и изумление, Супрамати добродушно сказал:

– Не бойтесь ничего – это очистительный огонь пространства проникает в вас и уничтожает зловерные покрывающие вас флюиды.

После того он дал им простые белые туники, обувь из плетеной соломы и подвел к престолу, где они стали на колени, а Супрамати дал им поцеловать чашу и надел им на шею небольшие душистого дерева крестики.

С этого дня утренние часы и вечера посвящены были поучениям. Прежде всего Супрамати объяснил им двойственную природу человека – материальную и астральную – и непреложный закон, связующий людей с невидимым миром, откуда те выходят при воплощении и куда возвращаются смертью.

Он показал им невидимое население пространства и разъяснил, какими опасностями оно грозит душе и телу смертного.

Далее, как логический вывод, он указал на единственное действенное оружие против этих опасностей, и стал учить их великому искусству молиться.

– Сила эта, могучая, как стихии, подобно молнии зажигает божественный огонь на престолах, оплодотворяет землю, проникает бездны океана, ураганом проходит пространства и не знает преград; молитва – первая из наук, величайшая мощь, магический талисман, приводящий в действие неведомые силы. И не только маг, а каждый, если только обладает горячей и чистой верой, может действовать этой исполинской силой, повелевать стихиями, усмирять грозы, пресекать эпидемии, собирать и сплачивать тончайшие и нежнейшие элементы для исцеления болезней...

Изумленные и увлеченные ученики благоговейно слушали мага, и люди эти, жившие до тех пор ради одних лишь наслаждений плоти, смиренно, с полной верой склонялись перед крестом и пробовали молиться.

Не раз терпели они неудачу, изнемогали и впадали в уныние, потому что умение молиться дается вовсе не легко. Искусство это – тройственно, так как, во-первых, требует сосредоточения; во-вторых – отречения от всего материального, что обременяет душу и приковывает ее к земле, а в-третьих – могучей воли, которая возносит и выделяет чистый огонь, рассекающий ауру греховного человека для полного восприятия льющихся свыше божественных излучений.

Все-таки благодаря своему рвению и при поддержке мага ученики быстро преуспевали: теперь они знали, что имеют бесплотную душу, главное назначение коей – совершенствование.

Они постигли тайну существования и великий закон любви, который диктует человеку обязанности к ближнему. Понемногу Супраматри готовил своих учеников к их миссии – проливать свет веры в омраченные души их воплощенных братьев.

– Ваш долг вернуть другим то, что получили сами. Нелегко, конечно, внушить людям великие законы добра, удержать их на торном пути злоупотреблений и пороков. Вас будут ненавидеть, платить злом за добро, но это не должно вас пугать; а если вы запечатлеете вашу миссию своею кровью, это будет славнейшая из побед. Знайте, что кровь ваша – это животворная роса, которая прольется на бесплодную почву неверия и эгоизма; а память о вас, подобно бессмертному огню, зажжет веру в душах многих. Итак, милые друзья, не бойтесь смерти, потому что смерть мученика – это небесный аромат, рассеивающий зачумленные миазмы, которыми наполнена атмосфера преступного человечества.

– Учитель! Если я хорошо понял твои наставления, – заметил как-то один из учеников, – мы не должны никогда платить злом за зло, значит – защищаться; но раз наши законы поощряют месть и уничтожение всего, что нашей выгоде мешает, то нас, разумеется, убьют, и совершенно бесполезно.

Супраматри улыбнулся.

– Проповедь ваша и должна именно уничтожить ваши дикие и неправые законы; но не думайте, что вы будете безоружны. Проповедующий истину, воодушевленный любовью к своему долгу и вооруженный крестом – непобедим.

– Учитель, будь добр и поясни, почему считаешь ты крест одаренным особой силой? Я знаю очень хорошо, что этот символ был в прежнее время очень почитаем у нас; но мне непонятна основа такого почитания, – спросил Хаспати, один из самых ревностных учеников Супраматри, страстно привязавшийся к нему.

– Когда вы более созреете и подвинетесь в науках, то научитесь понимать, хотя бы отчасти, бесчисленные благодетельные свойства этого символа вечности и спасения. Крест, сын мой, – страшный по своему могуществу знак, наступательное и оборонительное оружие. Будучи созидателем и разрушителем, он является компасом посвященного. Всюду, во всех видимых вами на небесном своде мирах крест проявляет свою мощь, ибо линии креста, будучи продолжены на все четыре стороны, проникают вселенную.

Как-то вечером Супраматри сидел на эспланаде со своими учениками и поучал их искусству развивать волю, а попутно примерами доказывал силу этого двигателя. Под действием его воли расцвел засохший кустарник и разразилась гроза, а затем стихла по его же велению.

– Вы видите, дети мои, что развитая и сознательно направленная воля подчиняет себе и делает мягкими, что воск, космические элементы. Конечно, для того, чтобы достигнуть степени моего могущества, потребно много времени и труда, но это достижимо, как видите, путем настойчивости и понимания преследуемой цели.

Ученики смотрели на него с восторгом и почти суеверным страхом. Потом Хаспати нерешительно спросил:

– Учитель, скажи нам, кто ты, откуда пришел, и от кого получил столь колоссальные знания? Объясни, почему в течение стольких веков никто до тебя не являлся открывать нам проповедуемые тобой великие истины?

Супраматри на минуту задумался, глядя в пространство, а потом ответил:

– Я – издалека, я – покорный сын науки, посланный светочами добра и истины рассеять мрак заблуждений человеческих и вернуть к Господу заблудших детей Его; потому что все вы – Его дети, божественные и неразрушимые частицы, из Него исшедшие. Видя вас заблудившимися в непроходимой чаще невежества, поработанных плотью, сделавшихся жестокими и порочными, великие светочи человечества послали вам одного из своих верных слуг, вооруженного крестом и любовью, чтобы вернуть вас на путь истинный. И приход мой не напрасен:

я не один, у меня есть уже верные ученики, которые передадут мои наставления своим братьям и продолжат мое дело, если я погибну.

– Что ты говоришь, учитель! Ты – благодетель стольких страждущих – погибнешь? Это было бы ужасно! Что станется с нами без тебя, без твоих наставлений? Мы не можем продолжать твое дело! – воскликнул Хаспати со слезами на глазах и прижимаясь к своему посвятителю.

Супрамати ласково погладил его склоненную голову.

– Дело спасения души от гибели невежества и безверия зачастую оплачивается жизнью. Но это ничего не значит, посеянное мною семя истины, заповеданное освобождение от вековых оков грубого атеизма, которое, я дал моим братьям, переживут мое телесное существование; а Создатель, по милосердию своему, зачтет мне труды мои и позволит мне еще на шаг приблизиться к божественному свету – обители праведных душ, доблестно боровшихся за добро. Вы же, дети мои, не должны бояться, что останетесь без руководителей. Призовите наставников, уединенно живущих в ваших горах, и они в изобилии принесут вам духовные хлеб и вино, которые насытят ваши души.

– Почему же они не пришли до сих пор просвещать нас и исцелять? – с неудовольствием спросил один из юношей.

– Остерегайся судить безосновательно и судить то, что ты не понимаешь, – ответил Супрамати. – Как знать? А что, если появление их ранее нужной минуты привело бы лишь к бесполезной смерти? Я пришел подготовить им путь, заложить основу дела, которое затем разовьют мои братья: они оживят вашу былую веру и восстановят то, что было искажено или забыто веками. А затем, если окажется нужным, явятся другие и поддержат истину; путь их будет полосой света. Как и я, они выполнят свое назначение – делиться с братьями полученными в свою очередь от других истиной и светом.

Замечание Супрамати очень смутило Хаспати.

– Благодарю, учитель, на будущее время я буду осторожнее и воздержусь от слишком поспешных заключений.

Глава пятая

С радостью наблюдал Супраматри за быстрыми успехами учеников, личные особенности которых начинали ясно проявляться. Кого интересовала исключительно музыка, кого искусство врачевания, кого изучение оккультной силы планет, кого чудеса звездного неба. В одном лишь сходились все поголовно – в стремлении изучить таинственную, могущественную силу воли, этот великий рычаг космических сил, исполинскую, управляющую стихиями динамомашину; волю, которая, будучи разработана и дисциплинирована, сама представляет могущество, подобное стихии.

Теперь Супраматри выходил иногда из пещеры в сопровождении учеников и исцелял в селениях и окружных городах, а при случае и проповедовал, внушая слушателям необходимость любви к Богу, чтобы в жизненных испытаниях у Него искать помощи и поддержки.

Слава, окружавшая «сверхъестественного» человека, ограждала, и никто не осмеливался задержать его за дерзкое нарушение закона, запрещавшего произносить даже имя Божие.

Итак, открыто все молчали, а втихомолку враги мага все сплачивались, и число их быстро росло.

В первых рядах стояли врачи, считавшие себя обиженными в денежном отношении; да и оскорбленное «научное» самолюбие их было задето. Не меньше недовольны были и все те, кто находил удобнее не быть стесняемым никаким нравственным законом, совестью или долгом; потому-то самое понятие о Боге и Его законах они ненавидели, главным образом, как узду своим животным, беспорядочным страстям. А число таких врагов было легион.

Супраматри, читавший в душе людской и слышавший чужие мысли, видел, конечно, растущее недоброжелательство, но не обращал на то никакого внимания, продолжая исцелять и проповедовать.

Однажды, возвращаясь из далекого обхода, учитель и ученики шли густым лесом, и, утомившись, присели, чтобы отдохнуть и закусить. В густой чаще, заросшей кустарником и ползучими растениями, Супраматри усмотрел за грудями валежника кучу развалин.

– Видите эти остатки разрушенного храма? Надеюсь, он скоро воспрянет вновь и под его сводами зазвучит священное пение, а общая молитва привлечет на верующих могучие обновляющие волны Божественной благодати.

– Учитель, ты действительно точно все знаешь и видишь прошлое. Ибо как иначе мог бы ты угадать, что эти беспорядочные развалины были некогда одним из величайших храмов в стране! – воскликнул смущенный Хаспати.

– Все избегают этого места, потому что во время разрушения святилища здесь перебито было значительное число укрывшихся в нем священнослужителей, – продолжал молодой ученик. – Говорят даже, что место это – заколдовано, но никто не смеет о том упоминать из страха наказания.

– Какое ужасное это было время. Надеюсь, оно никогда не вернется, – заметил другой из молодых людей. – Но скажи мне, учитель, будет ли опять священство, когда снова восстановится поклонение Богу?

– Конечно. Всякая служба требует служителей, и я полагаю, что вы, друзья мои, первыми примете на себя эту обязанность, великую и тяжелую по своей ответственности, – серьезно ответил Супраматри.

– Не думайте, что все совершится без борьбы, – продолжал он, – у добра всегда бывают противники, и мрак ненавидит свет.

Из бездны выйдут тысячеголовое чудовище неверия и сомнения, и все оплюет своей ядовитой слюной, прикрывая ее именем «науки». Чудовище нападет, конечно, на храм и будет стараться подрывать само основание его; но в обязанности воинов веры входит защищать свя-

тилище, которое заключает в себе идею Божества и является для человечества неистощимым источником спасения души и тела.

Горе посвященным священнослужителям, которые допустят осквернение, унижение и расхищение вверенного им сокровища.

Священник – первый служитель Бога, прямой посредник священных сил невидимого мира. Неисповедимая тайна окружает служителя алтаря, этот очаг света, куда нисходит и где сосредоточивается Божественная сила.

Жизнь его должна быть непорочна, а мысль обращена к небу, потому что он есть сосуд, в который вливается и посредством коего разливается на смертных спасительная благодать.

Горе священнику, который, будучи нечист душой и телом, осмеливается приближаться к престолу за восприятием света Небесного: он может только его омрачить и загрязнить и тем лишить его тех, кто ждет помощи и спасения.

Велико и высоко назначение священника, истинного служителя Божьего; он должен хранить в сердце своем и применять на деле все проповедуемые им истины, дабы верующий смотрел на такого носителя света снизу вверх.

Не забывайте, дети мои, что упадок религии начинается с момента, когда в душу человека закрадывается пренебрежение к служителю Божьему. Но как пастух ответственен за каждую овцу в стаде, так и пастырь стада Господнего должен знать душу овец своих.

Хаспати склонился и поцеловал руку наставника.

– Никогда, уважаемый учитель, не забудем мы твоих слов и станем молить Бога помочь нам сделаться истинными священнослужителями, каких *ты* описал нам.

По мере увеличения числа последователей, Супрамата действовал все более открыто: он проповедовал даже в столице и объединил верных в общины, которые собирались на совместную молитву и носили на шее маленькие душистого дерева крестики, раздававшиеся их обожаемым учителем.

Понятно, что все ненавистники Супрамата, – а таковых было большинство, – кипели бешенством, видя его «безнаказанность». Некоторые члены Королевского совета открыто требовали на заседании задержания колдуна и предания его суду ввиду того, что дерзость его росла с каждым днем, а «глупые» проповеди грозили вызвать беспорядки и ниспровергнуть установленные законы.

– Если большинство совета выскажется за арест, я противиться не буду, – ответил Инхазади. – Обдумайте, однако, хорошенько свое решение и обсудите, не повлечет ли за собой те самые беспорядки, которых вы опасаетесь, задержание человека, спасшего от смерти столько сотен людей. Незнакомец располагает к тому же для исцелений бесспорными могущественными средствами; а кто из нас может поручиться, что ему не понадобится завтра же самому обратиться за помощью к целителю?!

Собрание молчало. Последний довод был неопровержим, и окончательное решение было отложено.

Между тем такая отсрочка привела в ярость непримиримых; они надумали действовать втихомолку и уничтожить «волшебника» во что бы то ни стало. Произошедший как раз в это время случай утвердил их в гнусном намерении.

Увидев Супрамата, Виспала вспыхнула к нему бурной и беспорядочной страстью, присущей людям той извращенной земли. Каждую ночь приходила она с Медхой на край пропасти любоваться магом, когда тот беседовал с учениками, играл или пел. Как зачарованная, не могла она отвести глаз от прекрасного лица Супрамата, удивительно озаренного голубоватым, словно исходившим от него самого светом, и безумная страсть ее росла с каждым днем. Воспользовавшись посещением магом города, Виспала сумела передать ему послание. В письме она признавалась в своей безумной любви и объявляла, что избирает его в мужья и что это даст ему право на трон.

"У дяди моего нет преемника мужского пола, и я его единственная наследница, – писала она, – а муж мой будет королем, потому что я имею право только дать народу монарха, но не править сама".

Это послание, как и второе в том же роде, осталось без ответа, а последствием их было только то, что Супрамати перестал показываться ночью на площадке.

Виспала думала, что сойдет с ума. День и ночь она только и думала о неведомом пророке; кровь огнем кипела в ее жилах и планы, один другого отчаяннее, роились в ее возбужденной головке.

Раз ей удалось подойти к магу, когда тот был в городе. Супрамати, казалось, не заметил ее, но когда она захотела коснуться его рукой, то почувствовала сильный ток, отбросивший ее в сторону, точно сильный порыв ветра.

Виспала лишилась сна, аппетита и впала в такое отчаяние, что заболела. Продолжительные, непрерывные волнения вызвали одну из тех страшных нервных болезней, против которых врачи не знали лекарств. Молодая девушка потеряла зрение, а страшные корчи чуть не ломали ей руки и ноги.

Инхзади был в отчаянии, да и народ принимал участие в его горе, так как очаровательную молодую девушку все очень любили. Вследствие этого в пещеру отправилась депутация из представителей различных классов населения; если кто мог спасти принцессу, то несомненно один Супрамати.

Маг обещал прийти и, приказав ученикам молиться в его отсутствие, отправился во дворец, где его немедленно провели в комнату больной.

Страшно обезображенная болезнью, лежала Виспала в постели, и Супрамати с грустью и сожалением смотрел на юное существо, погибавшее от заражения собственными нечистыми излучениями.

Чувственная, бурная любовь ее внушала ему отвращение, но ведь не для того, чтобы презирать низших братьев, пришел он в этот мир. Он должен любить их, шлифовать, так сказать, грубые алмазы, и примером чистой привязанности облагораживать внушенное им чувство, которое, несмотря на разные омрачающие его тени, остается тем не менее великим чувством и зовется любовью.

С первого же взгляда Супрамати убедился, что слизистый, черный и зловонный пар студенистой корой окутал тело. Отвратительные существа, привлеченные из потустороннего мира ее животной страстью, ползали по больной, высасывали ее жизненность, точно пиявки.

Супрамати приказал оставить его наедине с больной; когда все вышли, он наполнил водой небольшой таз и опустил в него снятое с пальца кольцо.

Вода стала голубоватой с серебристым отливом. Намочив в тазу полотенце, он вытер им лицо, руки и ноги молодой девушки. Затем, заключив больную в магический круг, он перекрестил ее, и через миг начертанный им круг вспыхнул огнем, опоясав постель многоцветным пламенем.

Треща и разбрасывая искры, огонь пространства начал поглощать окружавшую Виспалу черную и липкую атмосферу; свистя и корчась, клубами разлетались мерзкие существа или пожирались огнем. Мало-помалу темный пар исчез совершенно и его сменил чудесный красный свет, заливший всю комнату, осветив замертво лежавшую Виспалу. Пока работали обновляющие силы, она потеряла сознание.

Теперь же из самого тела больной начали выделяться клубы черного дыма, быстро поглощавшиеся красным светом.

Когда явление это прекратилось, Супрамати намочил другое полотенце, которое оказалось словно покрытым алмазной пылью, и, вытерев им все тело больной, прикрыл ее.

Затем он взял арфу, сел у изголовья и начал играть.

Полились звуки изумительной гармонии, и комната наполнилась мягким ароматом; дивный свет словно угас и сменился фиолетовым сумраком. И на этом темном аметистовом фоне появились прозрачные существа, сотканые точно из того же пара, и окружили постель недвижимо лежавшей принцессы; воздушные образы их колебались в ритме чудесной арфы, а прозрачные руки скользили по неподвижному телу Виспалы. Понемногу видение стало бледнеть и рассеялось в тумане.

А Супрамати продолжал играть, и на лице его застыло выражение восторженной радости. Он наслаждался плодами своих трудов в эту минуту, когда ему еще раз удалось вернуть к жизни страждущее и осужденное на смерть существо. Блаженство вызываемой им гармонии, дар повелевать могучими деятелями ароматов и красок исполнило сердце его радостью и благодарностью.

Отдавшись своим мыслям, Супрамати не заметил, что Виспала открыла глаза и медленно поднялась, глядя на него робким любовным взглядом.

Она чувствовала себя выздоровевшей, но во всем ее существе произошло удивительное превращение. Пылкая, пожиравшая страсть, мучительно терзавшая ее сердце, исчезла, уступив место сознанию пропасти, отделявшей ее от высшего, любимого ею человека, и сознание это стало перед нею во всей подавляющей ясности.

При этом все существо ее наполнено было беспредельной признательностью и глубоким счастьем видеть его тут, около себя.

Она сползла с постели, опустила на колени и, подняв сложенные руки, прошептала со слезами в голосе:

– Учитель, как мне благодарить тебя за спасение жизни... Супрамати перестал играть, благословил ее, приподнял и кротко сказал:

– Не меня должна ты благодарить, а Бога, твоего творца и Отца Небесного. Будь же достойна дарованного тебе душевного и телесного здравия. Не забывай, дочь моя, что в телесной темнице горит бессмертный огонь, который укажет тебе путь к маяку, все сущее освещающему, поддерживающему и охраняющему.

Он поднял руку, указывая на светлый крест, появившийся в воздухе и сверкавший, как алмаз.

– Ты – благодетель всего страждущего, научи же меня великой науке: верить и любить не телом, а сердцем! – прошептала Виспала.

– Веруй в своего Творца, надейся на Его милосердие, люби Его всей душой, и ты найдешь путь к спасению. По мере очищения твоей души, ты научишься любить сердцем и побеждать нечистые телесные страсти. А теперь поди и обними своего деда, который пережил много испуга и горя во время твоей болезни.

Виспала порывисто схватила руку Супрамати и прижала к губам, а потом встала и побежала в комнату короля, где тот, окруженный несколькими приближенными, со страхом ожидал результата лечения. Король был несказанно счастлив, увидав внучку совершенно здоровой; когда же он и его близкие хотели благодарить мага, тот исчез.

На заре следующего дня Инхазади прибыл в пещеру выразить Супрамати свою глубокую признательность за исцеление Виспалы. Престарелый король был очень взволнован; он долго серьезно беседовал с магом, после чего, – как и предсказал ему Супрамати, – смиренно преклонил колени перед престолом, исповедуя Божество, имя Которого закон запрещал ему произносить.

Исцеление наследницы короля произвело огромное впечатление, и популярность мага еще возросла; но в такой же почти степени усилилась ненависть к нему его врагов. Окончательно же привел их в ярость слух, распространявшийся в народе и неизвестно откуда появившийся.

Втихомолку, правда, но уже шли повсюду разговоры о будущем короле, так как Инхазади был стар и кончина его была недалека, и вдруг общий голос назвал Супрамати его преемником.

– Может ли принцесса выбрать мужем кого-нибудь лучше этого благодетеля всех страждущих! – говорили в обществе. – Он молод и красив; происхождение его, правда, темно, но зато принцесса знатна родом. Он – беден к тому же, но это говорит о его бескорыстии. Иначе, будь он практичнее, это был бы самый богатый человек на планете. Чего бы только не заплатили ему за спасение от страшной смерти близкого и дорогого существа.

Вывод из этих разговоров был таков, что наиболее желательным государем оказывался только этот добрый, красивый и ученый человек.

Но если население горячо желало иметь Супрамати своим королем, то одна возможность подобной комбинации возбудила уже против мага целый ураган вражды и привлекла в партию его врагов лиц очень влиятельных. Среди таковых оказалось несколько молодых людей, которые по своему рождению и высокому положению надеялись быть избранными Виспалой. Ее страсть к прекрасному магу не была уже тайной, и это давало шансы на успех всенародному проекту.

Наиболее верным средством избежать неприятности было бы удалить опасного человека, и вот на тайном совещании врагов решили во что бы то ни стало с ним покончить.

Последствием заговора было покушение на Супрамати, когда тот уходил с фермы, где только что излечил несколько стад, одержимых злокачественной болезнью. Поспешно нанесенный убийцей удар не попал, однако, в грудь, а задел только плечо. Злодей убежал, но был изловлен и приведен возмущенными пастухами; оказался он одним из тех, кому Супрамати спас жизнь.

Несомненно, толпа его растерзала бы, не вступись за него маг, который твердо заявил, что никто не имеет права карать, если он сам прощает виновного. Несмотря на это, преступник все-таки мог быть убит кем-нибудь из слишком усердных сторонников Супрамати, но он предупредил негодяя и помог ему бежать.

Второе покушение было придумано замысловатее и орудием избрали безответное животное.

Это был живший в болотах дикий зверь – полулев, полубык, но зверь необыкновенно сильный и хищный. Меньше ростом живущего на Земле быка, но с гривой наподобие львиной, этот уру – как звали животное – снабжен был тремя прямыми, острыми, как кинжал, рогами и широкой пастью, усеянной крепкими зубами; ноги у него были вроде обезьяньих лап.

Приручить это животное не удавалось, но публика всегда с удовольствием смотрела на бывшие в большой моде бои таких уру, и зрелище это потому особенно интересовало, что зверя трудно было взять живьем, помимо малочисленности породы вообще. В это время только что привели из болот двух больших особенно злобных животных, и одного из них выбрали, чтобы предательски отделаться от Супрамати.

Звери содержались в железных клетках, помещавшихся в открытом сарае. В ту минуту, когда маг, сопровождаемый двумя учениками и большой толпой, переходил улицу, один из зверей вырвался из клетки, и, разъяренный криками погони, бросился к магу, нагнув голову, готовый взять его на рога.

Опасность была неминуема и смертельна. Бешеный зверь летел прямо на него, а перепуганная толпа разбежалась в стороны.

Но в двух шагах от Супрамати животное круто остановилось, понюхало воздух и потом повернуло в сторону одного из учеников; но Супрамати поднял руку, и вдруг уру, словно от удара обухом по голове, упал на колени. Тогда остолбеневшие зрители услышали, что маг произнес как будто несколько незнакомых слов, странным образом их скандируя, и затем заиграл на арфе.

Уру слушал сперва музыку, словно очарованный, а потом медленным шагом подошел к Супрамати и лег у его ног. Маг погладил его по голове, дал кусок хлеба, вынутый из кармана, и животное ело из его рук. После того, продолжая играть и напевая вполголоса, Супрамати направился прямо к сараю в сопровождении уру, который по его приказанию покорно вошел в клетку.

– Будьте осторожны в другой раз и не оставляйте открытой клетку. Я не один хожу по улице и сколько невинных могло бы пострадать вместо меня, – спокойно заметил он смущенным сторожам.

История эта вызвала огромный шум, а вместе с тем и неудовольствие в народе, чувшем покусение на жизнь его благодетеля.

Заговорщики притихли и на время отказались от своего кровавого замысла, но еще более возненавидели своего «врага», решив сторожить удобную минуту и набирать тем временем сторонников.

Вскоре неожиданно скончался Инхазади. Старого короля очень любили, и смерть его была общим горем; лишь те, кто обвинял его в слабости за допущение проповеди Супрамати, радовались кончине государя.

Для Виспалы это был тяжелый удар. Она оставалась совершенно одна, и душу ее тяготило сознание этого одиночества.

После своего исцеления молодая девушка очень изменилась: она избегала удовольствий, проводила целые часы в молитве или в уединении и размышлениях.

Время траура она провела в полном затворничестве, окруженная немногими, также вновь обращенными к вере подругами.

Наконец настал день, когда, согласно закону, Виспала должна была объявить, кого она избирает мужем и королем, так как королева, о чем упоминалось выше, не управляла сама, а имела право избрать государя из молодых людей высшей знати.

Государственный совет был в полном сборе, когда прибыла Виспала и со скромным достоинством заняла королевское место. Затем она объявила, что единственного человека в мире считает достойным наследовать ее дорогому незабвенному деду, а именно Супрамати – народному благодетелю, вернувшему здоровье и жизнь стольким тысячам людей.

Присутствовавшие были смущены.

– Выбор твой, королева, противоречит всем законам, – сказал старшина совета, придя наконец в себя от изумления. – Ты хочешь поставить над нами королем человека несомненно достойного, но неизвестного происхождения, даже принадлежащего к совершенно особенной, неведомой расе; а это заразило бы твое потомство нечистой, быть может, кровью и унизило бы древнюю славную династию, коей ты являешься последней представительницей. Подумай об этом, возлюбленная наша государыня, и не решай ничего без зрелого размышления.

– Я обдумала все раньше, чем пришла сюда, и решение мое бесповоротно, – твердо ответила Виспала. – Знаю также, что Совет имеет право одобрить мой выбор, или нет. Ваши доводы, может быть, и справедливы; хотя, по-моему, бесчисленные благодеяния Супрамати служат лучшим подтверждением его благородства. Я готова подчиниться решению Совета; но зато в случае отказа отрекаюсь от всех своих наследственных прав на престол и удаляюсь в частную жизнь. Пусть Совет и народ избирают короля по закону на благо населения. Через три дня вы мне дадите ответ.

Оставив советников в полном недоумении, Виспала вышла из зала и удалилась в свои апартаменты.

В зале Совета поднялся бурный спор. Мнения разделились: одни не хотели и слышать об избрании Супрамати, другие опасались возмущения в случае отказа, принимая во внимание всенародную любовь к молодой королеве, с одной стороны, и благоговение населения перед пророком-целителем – с другой.

Умы все более и более волновались. Противники мага кричали, что с восшествием на престол этого неизвестного никому «колдуна» начнутся опять религиозные волнения, потому что он, конечно, захочет восстановить прежний культ, водрузить давно свергнутый символ – крест, и потребует поклонения забытому Богу, без Которого жилось отлично благодаря "мудрым законам".

Противники возражали им, что тоже ведь много веков предки их прожили с верою в Бога, и времена были лучше, законы менее жестоки, более справедливы и что все равно, согласно предсказаниям, бывшая вера должна тем не менее возродиться.

Для успокоения возбужденных страстей один маститый сановник предложил выбрать кандидата на престол, который отвечал бы всем условиям, и этим положить конец праздным пререканиям.

Сначала это предложение приняли единогласно; но когда пришлось выбирать, то партийный дух, личное честолюбие и страсти до такой степени разгорелись среди этих людей, выросших в духе полного эгоизма, что не выбрали никого.

Усталое, раздраженное и озлобленное собрание незначительным большинством голосов решило, наконец, отправить к Супрамати депутацию с предложением короны; при этом многие промолчали, предпочитая даже незнакомца кому-нибудь из своих, возвышение которого задело бы их личное тщеславие.

Ввиду такого решения после полудня того же дня депутация из высших сановников отправилась в пещеру.

Спокойный и задумчивый, выслушал Супрамати их просьбу и только усмехнулся, когда ему стали описывать все ожидавшие его почести. С достоинством отвечал он им, что предложение это слишком важно, чтобы он мог принять решение, не обсудив его; поэтому он просил депутатов подождать до завтра окончательного ответа.

Оставшись один, он приказал ученикам удалиться в малую пещеру, а сам опустился на колени перед престолом и погрузился в восторженную молитву.

Вся душа его рвалась соединиться с наставниками и получить их совет, – должен ли он брать на себя столь ответственное дело.

Давно уже его очистившаяся душа не была омрачена ни малейшей тенью честолюбия; но теперь он не знал, не было ли бы его возвышение желательным и полезным в интересах его миссии. Всей душой жаждал он совета или какого-нибудь видимого указания от своих руководителей.

И вдруг знакомый, дорогой голос Эбрамара прозвучал в его ушах, точно далекая нежная музыка:

– Иди не колеблясь вперед, доблестный сын света. Чтобы достичь конечной цели, ты должен принять венец власти, сменив его, может быть, затем на мученический.

Супрамати долго молился, а когда встал, то был спокоен, тверд и знал, что ему делать.

На заре собрал он своих учеников и объявил, что, становясь королем, должен покинуть их, и дал последние наставления.

Поочередно возлагал он на голову каждого руки, долго молился, благословлял и всякому дал по деревянному крестику.

– Всюду, где вы обоснуетесь, друзья мои, воздвигайте символ спасения и вечности в его тройственном виде: высота, ширина и глубина. Этот наивысший знак, печать Самого Бога – Крест – должен быть на двери вашего дома и в руках ваших. Им вы будете исцелять болезни, изгонять бесов, укрощать бури и всякие беды. Но не забывайте, что чудодейственная сила этого таинственного орудия будет действовать только сообразно с вашей верой и любовью к Богу; чем сильнее будет вера, тем страшнее сила креста.

Проповедуйте и особенно доказывайте на деле любовь ко всякому творению, потому что любовь убивает ненависть и преступление, облагораживает человека и во сто раз увеличит

ваши силы. Любите Бога больше всего, и во всяком живом существе любите одушевляющую его божественную искру.

Глава шестая

Когда на другой день прибыла депутация, Супрамати объявил, что согласен принять вверяемую ему власть, и тотчас был осыпан льстивыми, раболепными поздравлениями и изъявлениями радости прибывших сановников. Они не догадывались, что проникновенный взгляд мага читает в их лицемерных сердцах и видит враждебно-завистливые мысли их и предательские замыслы.

Но прекрасные и ясные глаза Супрамати не выдали его знания. Он дружелюбно ответил на приветствия, дал одеть на себя короткое белое одеяние, вышитое золотом, и голубой плащ, а на голову возложил широкий золотой, усыпанный драгоценными камнями венец. Затем он отбыл в королевский дворец.

На верху главной лестницы его ожидала невеста. Расстроенная пережитым волнением, Виспала подняла на него робко полные слез глаза и любовно взглянула; когда же он с приветливой улыбкой взял ее руку, поцеловал и нежно прошептал несколько слов, глаза заблестали от радости, и она, сияя счастьем, направилась с ним на пир.

Бракосочетание назначили через шесть недель, но бразды правления были теперь же вручены новому королю, и после председательствования впервые на собрании Совета Супрамати удалился в свои покои.

Он взял с собой для личных услуг двух учеников, и это создало ему новых врагов. Придворные, считая, что имеют на эти должности неотъемлемые права, были взбешены «прихотью» этого «проходимца», посмеявшего предпочесть им таких же темных и ничтожных людей, как и сам.

Супрамати понимал, что его призрачное царствование будет недолговечно; поэтому он хотел возможно полнее использовать бывшее в его распоряжении время для того, чтобы ввести преобразования и заложить основы религии, которая вернула бы народы к так долго отрицаемому Творцу.

Благодаря его энергии, ему удалось наконец отменить прежде всего возмутительный закон обречения на смерть больных, а затем и кое-какие другие менее важные, но одинаково жестокие и несправедливые законоположения.

С едва скрываемым неудовольствием слушали сановники этого совершенно неизвестного им человека, когда тот говорил о милосердии, прощении, добре, и затем «дерзкой», по их мнению, рукой намеревался ниспровергнуть все общественно-политическое устройство государства, существовавшее многие века. Хороши или дурны были законы, но все к ним привыкли, и большинство заинтересовано было в их сохранении.

Общее недовольство привилегированных классов росло, приобретая все новых сторонников, а Супрамати ничего казалось не замечал и неотложно продолжал свое преобразовательное дело. Ежедневно по вечерам он проводил несколько часов с Виспалой, поучая ее и развивая ее ум.

Теперь молодая королева вполне сознала, насколько была ниже избранного ею мужа, и пламенно желала умственно дорасти до него. Она умоляла Супрамати просвещать ее и внушить ту веру, которую он исповедовал, и, конечно, у него не было более усердной, убежденной и горячей ученицы.

Тем временем среди населения распускали насчет нового короля гнусные и тревожные слухи. На первом месте стояло клеветническое обвинение в чародействе, при помощи которого он уморил короля, а затем околдовал его наследницу, чтобы забрать в руки власть. Арфа, с помощью которой Супрамати совершал исцеления, оказалась тоже орудием волшебства, а сам он выставился несомненным и опасным агентом «горцев», пытавшихся через него восстановить старые предрассудки и запрещенные под страхом смерти волхвования. Все эти толки

приняли такие размеры, что друзья Супрамати сочли своей обязанностью предупредить Виспалу о подготавливаемой революции.

Супрамати работал в своем кабинете, когда к нему влетела его невеста, бледная и дрожащая как в лихорадке. Прерывающимся от волнения голосом передала она ему слышанное.

– Я все это знаю, – ответил спокойно Супрамати, усаживая расстроенную Виспалу.

– Знаешь и не делаешь ничего, чтобы предотвратить грозящую тебе смертельную опасность?...

Она упала на колени и с рыданиями протянула к нему руки:

– Беги, Супрамати, скройся, пока не будут истреблены твои враги. Я сумею разоблачить и наказать негодяев, а когда они будут брошены в пропасть, тогда ты беспрепятственно вернешься сюда.

Супрамати поспешил поднять ее и сказал, качая головой:

– Нечего сказать, хороший я подал бы этим пример, как надо применять на деле мои поучения. А вот лучше скажи мне, веришь ли ты сама, что я колдун?

– Нет, конечно, нет! Но у тебя так много врагов, и они так злобствуют...

– Ты должна была бы понять, что проповедуемые мною великие истины, которые должны укорениться у вас, вызывают ярость обитателей ада; а тут они встречаются, к сожалению, слишком много пригодных для их целей, хотя и бессознательно слепых орудий в лице извращенного населения. Было бы недостойно мне бежать от судьбы, трусливо прятаться и снова явиться, когда всякая опасность минует. Успокойся, Виспала, и не бойся ничего: случится лишь то, чему надлежит быть.

Грустная, с мрачными предчувствиями в душе ушла к себе юная королева.

Ободренные мнимым неведением и бездеятельностью Супрамати, заговорщики осмелели, удвоили энергию и скоро почувствовали себя настолько сильными, что решили избрать день королевской свадьбы для выполнения своего плана. Но так как, несмотря на все их старания, у Супрамати оказалось все-таки много сторонников среди бедноты и особенно в рабочем населении, то заговорщики решили подмешать сильнотоксическое средство к угощениям в честь торжества. Таким образом, защитники Супрамати уснут и не будут иметь возможности помешать исполнению плана; а пока они еще проснутся да сообразят, в чем дело, их возлюбленного пророка уже не будет в живых.

Настал наконец день свадьбы. Гражданская церемония была пышно отпразднована, а затем королевская чета торжественно объехала город, радостно приветствуемая народом, который потом разбрелся по разным местам, где для населения были приготовлены развлечения, угощения и подарки. Во дворце короля и королеву ожидал пир. На возвышении был приготовлен стол с двумя креслами для новобрачных, в золотом тонкой работы кувшине налито было старое дорогое вино.

Супрамати был сосредоточен и спокоен, королева – грустна и встревожена...

Как только они сели, Супрамати нагнулся к молодой жене и тихо шепнул:

– Не пей этого вина, иначе ты заснешь опасным сном.

– Это яд? – пробормотала она в испуге.

– Нет, сильное снотворное средство, – ответил Супрамати, делая вид, что пьет, любезно отвечая на тосты гостей.

Пир был в полном разгаре. Тогда, пользуясь тем, что шум музыки и разговоры заглушали его слова, Супрамати снова нагнулся к жене и сказал нежно, но твердо:

– Призови все свое мужество, Виспала, и вооружись достоинством женщины и королевы. Приближается тяжелая минута, – он крепко стиснул ее руку. – Нас разлучат с тобой, и часы мои, вероятно, сочтены...

– Так я умру с тобой! – прошептала одинаково тихо Виспала, дрожа как в лихорадке. Супрамати сделал отрицательный жест.

– Нет, живи, чтобы поддержать и продолжить мое дело. Храни с любовью воспоминание обо мне, а я, хотя и невидимый для тебя, всегда отвечу на твой призыв...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.